

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Уважаемые товарищи!

Сберегательные кассы могут осуществлять по Вашему поручению безналичные расчеты по платежам за квартиру, коммунальные услуги, газ, электроэнергию, телефон, содержание детей в детских учреждениях и другим платежам путем списания этих сумм со счетов по вкладам. Такая форма расчетов с предприятиями, учреждениями и организациями по различным видам платежей освобождает Вас от необходимости ежемесячно посещать сберегательную кассу для их внесения наличными деньгами.

Безналичные расчеты производятся сберегательными кассами в разовом порядке или по длительному поручению вкладчика.

Поручение о безналичных расчетах вкладчик может дать сберегательной кассе лично либо переслать по почте. Специальные бланки для оформления таких поручений можно получить в любой сберегательной кассе.

При посещении вкладчиком сберегательной кассы все перечисленные с его счета суммы будут записаны в сберегательную книжку.

Безналичные расчеты через сберегательную кассу экономят Ваше личное время и являются наиболее удобной формой расчетов с организациями — получателями платежей.

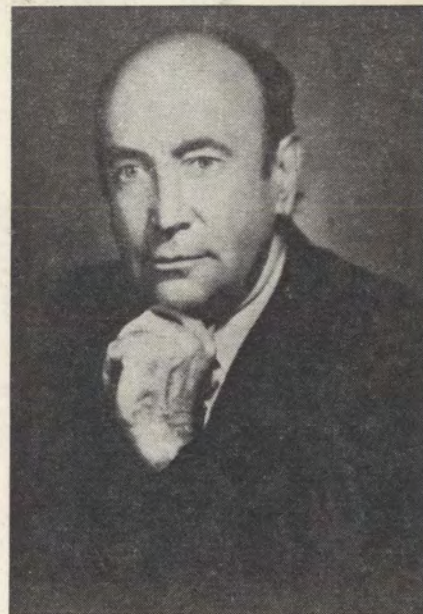
Сберегательные кассы к Вашим услугам!

ПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС СССР

№ 26

1987

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВОКРУГ КОМБАЙНА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 26

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

ВОКРУГ КОМБАЙНА

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

Юрий Дмитриевич Черниченко родился в 1929 году в городе Грайвороне Курской (ныне Белгородской) области. Отец был агрономом, и любовь к земле, людям села перешла к сыну по наследству. Можно сказать, очерк для писателя Юрия Черниченко — «оружие любимейшего рода». Этому жанру он уделял много внимания и тогда, когда работал в республиканской газете «Советская Молдавия» по окончании Кишиневского университета, и когда уехал на освоение целины. Позднее работал собкором газеты «Советская Россия» в Омской области, затем ее специальным корреспондентом. Почти десять лет — с 1965 по 1974 г. — был специальным корреспондентом «Правды». Автор ряда книг и киносценариев. Член редколлегии журнала «Огонек».

КОМБАЙН КОСИТ И МОЛОТИТ...

Сколько надо зерна — сказано: по тонне на человека в год. Раз 270 миллионов жителей, значит 270 миллионов тонн. Продовольственная программа ближним пределом ставит сбор 250—255 миллионов. Своих, непокупных, доморощенных!

Земля давно в четких границах: 130 миллионов га под зерновыми — предельный максимум. Надо бы и меньше, чтобы с парами жить. Грубо считать, так на каждого из нас — полгектара зернового посева. Бери, значит, только по 20 центнеров на круг — и продовольственные сложности исчезнут. «Только»!..

Ну, а что, собственно, под такой хлеб нужно? Ясно, что трактора и комбайны, а — сколько? Извините, что значит — «я почему знаю?» Проблема харчей не кого-то касается, а лично вас. И как это — «чем больше, тем лучше?» Техника есть цена, уплачиваемая обществом за хлеб, а как может здравый член общества желать цены побольше? А если платим, скажем, комбайном, то разве лишне самому знать, что он за монета, какого достоинства? Раз зерновой клин — величина постоянная, а программный сбор определен, то и число комбайнов, наверно, имеет ясный optimum?

Вот и давайте рассчитаем оптимальную потребность советского народа в комбайнах. Да-да, именно мы и рассчитаем. Бросьте, никакие мы не профаны. Ну, совершим этакое путешествие дилетантов. Ошибемся — невелика беда. Сектор вроде бы самый благополучный, не привлекут. А в случае чего скажем, что это была гимнастика для чувства хозяйина. Ведь никаких данных мы ни у кого не брали, так? Множить — делить станем только всем известное — экономическая самостоятельность, не больше.

В самом деле, уборочную площадь знаем? Как же: 130 миллионов га. Время дано? Да в каждой осенней газете: «Уберем урожай за десять дней!» Эти десять дней и примем нормой, а режим установим щадящий: не больше десяти рабочих часов в сутки. Останется и на починку машин, и на отдых людям — курорт, а не страда. Десять раз по десять — сто часов, или 360 тысяч рабочих секунд комбайна.

Производительность — она тоже на каждом бункере «Нивы». СК-5 — это и значит, что комбайн самоходный, пропускает пять килограммов хлебной массы в секунду. (Масса — колосья и солома вместе.) Известно, что «Колос» мощнее «Нивы», «Сибиряк» тоже превосходит ее, но мы эту надбавку пока не тронем.

Итак, один агрегат, промолочивая пять кило в секунду и работая в осень 360 тысяч секунд, пропустит 1,8 миллиона килограммов массы. Теперь только узнать, сколько этой массы всего.

Наш девиз — реализм и оглядка. В самом удачном 1978 году намолот достиг 18 центнеров на круг — с некоторым даже гаком. Эти-то восемнадцать и возьмем в обсчет, тогда с низшими урожаями справиться пустяк. На одну единицу зерна комбайну приходится пропускать полторы единицы соломы-половы. По уровню лучшего года — еще 27 центнеров на гектаре. Восемнадцать да двадцать семь — уже сорок пять центнеров в среднем, а гектаров, вспомним, 130 миллионов. Всего, если перемножить, будет 585 миллиардов килограммов массы. Декадную производительность базового агрегата мы посчитали, 1,8 миллиона кило, следовательно, 585 миллиардов делим на 1,8 миллиона и в итоге получим 325 тысяч.

Такие дела. На обмолот высшего из достигнутых урожаев в одну декаду нужно иметь 325 тысяч серийных комбайнов «Нива».

Но мы не школьники — тертые жизнью калачи. Отлично знаем, как подводят эти бумажные «ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...» Зарядит дождь через два дня на третий, а хлеб полегший, а лебеда по теплу прет, валок ковром аж на сто метров тянется — тут тебе и «марширт». Техника, увы, тоже иногда ломается, и люди еще местами нарушают дисциплину — можно та-ак пролететь... С чем шутики — с хлебом? Из страховки, из возрастной осторожности возьмем тот же соломенный коэффициент и увеличим расчетное число в полтора раза. Дорогоныко, конечно, но такой резерв нам простят.

Тогда рассчитанный на общественных началах оптимум комбайнового парка СССР составит (325 тысяч \times 1,5) 487 тысяч «Нив». Это разумная, на любительский взгляд, плата за зерно. Поскольку в парке уже числятся десятки тысяч «Колосов» и «Сибиряков» с их повышенной пропускной способностью, искомое число необходимо снизить, иначе — мотовство. Итак, все к тому, чтобы остановиться на 470 тысячах. Больше — транжирство, меньше нельзя.

За любым, скромным или гигантским, делом стоят люди, которые считают. Я был в младших приятелях у старого военного, Федора Александровича, который воевал именно тем, что считал. Сколько снарядов, скота, солярки, лопат, бинтов, кухонь, танков надо перевезти железной дорогой, чтобы выиграть Курскую битву, сколько уже подвез Манштейн к Донцу и Ворскле, сколько мы потеряем от налетов, а он — от партизан и т. д. и т. п. Считал Федор Александрович, видимо, дельно — в сорок

лет был уже генерал-полковником, докладывал в Ставке. В отставные досуги он пересчитывал на полях журнальных сельских очерков нашу цифирь и присылал мне — часто с грозными резолюциями.

Так вот, обратимся к людям, для которых большой и точный счет есть их общественное назначение. У них ЭВМ, тысячи данных и сотни поправок. Эксперты и координаторы, они знают и зоны, и климаты, и критерий использования сезонного времени и реализацию пропускной способности, бездну прочих темных для нас материй. Спросим, я говорю, Всесоюзный институт механизации, Госплан, координационный совет по проблемам комбайна — какую цифру они назовут?

— Теоретически для уборки в десять календарных дней требуется около 470 тысяч комбайнов. Точнее — 469960.

Не мистика ли, а? Не фантастическая ли точность для дилетантов?.. Дай бог Госплану таких попаданий! За радостью удачи мы можем забыть, что коэффициент 1,5 взяли наудачу, но все равно логика есть логика, и не боги горшки... Чувство хозяина, наверно, потому и может быть всеобщим, что обсчеты такого класса доступны и при нашем с вами кругозоре.

Но ликовать не будем — опять же из-за своей тертости. Значит, теоретически нужно 470 тысяч, а есть? Уже есть, утверждает справочник ЦСУ, 741 тысяча. Это как, раза в полтора больше нужного? Выходит — давно хватает?

Нет, не хватает. Потому что длится уборка не десять, а 26 дней. И в 1971 году тянулась двадцать шесть, и в восьмидесятом продолжалась двадцать шесть.

Долгота молотьбы есть выражение потерь в поле. Уже на пятнадцатый день уборки, настойчиво пишут эксперты, теряются 17—20 процентов исходного урожая. Дождиком смочит, пленочки в колоске раскроются, ветер заиграет красивыми волнами — и потекло зерно в чернозем. Двадцать шесть дней — срок усредненный, тут и кубанские темпы уборки действительно за декаду, и сибирские кампании, где страда растягивается часто месяца на полтора да два. Долгая уборочная — хуже хлеб: угорает клейковина, теряется стекловидность, хорошие семян уже не жди. Но и сама количественная сторона! Двадцать процентов при валовке около двухсот миллионов тонн — это ж сорок миллионов тонн брошенного зерна. Столько и даже больше, чем уходит на семена. Столько и даже больше, чем мы, советский народ, вместе съедаем хлебом-мукой-макаронами за целый год! Нет, не годится, раскладка абсолютно неприемлема — дилетанты отвергают ее с порога и начисто.

Дело, возможно, в том, что старые они, комбайны, морально одряхлели? Нет, за десять лет парк обновлен технически — именно выходом на новое семейство «Нива»-«Колос»-«Сибиряк». Две последние марки — двухбарабанные, для особо соломистого и влажного хлеба. (Барабан — это то, во что ныне преобразован древний молотильный камень,

ребристый каток. Естественно, катится он уже не по круглому току, влеком не лошадьми, обороты иные, но принцип — ударом выбить зерна из колоса — прежний. Да и при отделении зерна от плевел применяется древний, как Библия, ветер...).

Обновлен парк и в натуре: бюджет отчислил большие средства, и с семидесятого по восьмидесятый год включительно заводы Минсельхозмаша поставили селу 1085 тысяч уборочных агрегатов. Если учесть, что до войны было выпущено только двести тысяч комбайнов, миллион с гаком — это, наверно, много. Что ж, ведь наше комбайностроение — самое крупное в мире! По числу выпускаемых машин оно раза в четыре перекрывает США, про другие страны и толковать нечего. Рядом с массовой «Ростсельмаша» производства даже таких знаменитых фирм, как «Джон Дир», «Интернэшнл харвестер», «Нью Голланд», есть штучный выпуск, как бы индпошив.

Стоп-стоп-стоп, дайте понять. Выпустили миллион с гаком, а до этого было? Было к семидесятому году 623 тысячи. То есть вместе с прибылью семидесятых годов парк должен был перевалить за 1700 тысяч, а в наличии?

Сказано же: в наличии 741 тысяча.

А каков нормальный срок службы комбайна?

Тут понятие растяжимое. В пятидесятые годы у нас он, срок службы, составлял шестнадцать с половиной лет, до войны в МТС нормой были 17 лет, сейчас в Соединенных Штатах средний комбайновый век — 19 лет. Критерий, как видим, подвижный. Практически в колхозах-совхозах уборочная машина служит не больше семи лет.

Значит, тот миллион комбайнов, что выпущен в семидесятые годы, ушел в никуда досрочно? Еще молодым?

Считайте как хотите. Он на списание ушел и переплавлен, тот миллион, а формулировки — вещь субъективная. Практически все десятилетие комбайновая промышленность, одолевая снабженческие, кадровые, транспортные тяготы, работала на восполнение ликвидируемой части парка. В семьдесят восьмом, скажем, году поступило от заводов 111 тысяч, а прирост у колхозов-совхозов составил семь тысяч; через год прислали сто двенадцать тысяч, а прибавилось фактически тысяч шесть.

Раз уж вспомнили о Федоре Александровиче... Впечатление такое, будто где-то гудит-ревет Курская дуга, потери с обеих сторон страшные, и надо напрягаться Танкограду изо всех мыслимых сил, но выдержать еще декаду, еще неделю, потому что — врет, гад, сломаётся!..

Или лучше без ассоциаций? На одной логике? Срок уборки не сокращен, а комбайновый парк никак не накопится — в чем же смысл такой мощности заводов? И откуда у села эта феноменальная проточность — сколько по одной трубе поступает, столько (или почти столько)

в другую вытекает? И долго ли — вопрос целевой программы — бурлить первой трубе, чтобы наполнить бассейн?

— Это теоретически, — ответит нам тот же ученый синклит, — достаточно 470 тысяч комбайнов. Но пока рабочая смена используется в поле на 45—55 процентов. Хотя пропускная способность молотилок резко выросла (в сумме по всему парку чуть не удвоилась против 1966—1970 годов), фактическая производительность комбайна к 1976—1980 годам внушительно снизилась. Чтобы было ясней: в пятидесяти годы один комбайн убирал в день хлеб с 9,3 гектара, а к восьмидесятому сполз на 6,9 га. Поэтому рекомендуемое количество комбайнов намного больше расчетного: 892 920. А поскольку процентов сорок комбайнов занято на простейшей операции — косовице в валки, поскольку пятая часть парка вообще используется только под валковые жатки и в молотье не участвует, то оптимумом мы считаем и от промышленности требуем не 470 тысяч, а 1050 тысяч зерноуборочных комбайнов. Вопросы остались?

Схема понятна — подход неприемлем. Это, знаете, жох-комендант может вместо одного дивана заказать два с половиной (заявку урежут), когда же речь об одной из кардинальных машин экономики... Нет, вы потрудитесь разъяснить, кому это по карману — держать чуть не шестьсот тысяч комбайнов больше нужного (пусть и теоретически)? Это трактор лишним не бывает, ибо всепогоден, не пашет — так возит, не возит — ковшом орудует, насос какой-то крутит — энергоблок! А комбайн умеет только две вещи: убирать и стоять. И стоит одиннадцать месяцев в году, хоть мотор его сделан на том же заводе, что и для трактора Т-150. Уж как дилетант ни темен, а поймет: замораживать в комбайновом резерве миллионы лошадиных сил при низкой в целом-то энерговооруженности работника есть или недомыслие, или уступка чему-то нехорошему.

Затем, что это еще за комбайны, которые только косят? Явная ошибка, нас хотят провести. Даже по частушке

Комбайн косит и молотит
И солому в копны вьет, —

ибо он combine, комбинация жнейки, молотилки и веялки, не так ли? Производительность СК-5 «Нивы» даже в марке обозначена способностью молотить, и потому деталей к той «Ниве» двенадцать тысяч, а не один нож на двух колесах, как у жатки, верно?

Далее — что это за сорок или пятьдесят процентов использования смены? Простои? На полосе, в страду? Опять чушь: комбайн при спелом хлебе не может стоять, он одиннадцать месяцев перед тем отстоял, достаточно. По функции он схож с пожарной машиной (долго-долго стоять, а в критический час выручить), разве что по надежности может быть выше: пожар всегда внезапен, а тут заранее, по календарю, извест-

но, когда она будет в полном разгаре, страда деревенская. И в силу долгого стояния и краткого — на протяжении года — использования комбайн обязан жить долго, иначе ему не оправдать себя. Так что же за эпидемия в парке должжителей — мыслимо ли резать автогенном по сотне тысяч машин в год?..

Ну вот, для притяжки — довольно. Вооружась умением слушать, дав слово верить своим глазам — за дело.

Можно знать, что комбайн изобретен задолго до трактора и автомобиля, еще в 1828 году, а можно и нет. (В музее Джона Дири в Иллинойсе я видел старинные фото: комбайн движут тридцать лошадиных сил в прямом, натуральном смысле. Кучер-комбайнер правит упряжкой из шести рядов лошадей по пятерке в каждом. Впрочем, компоновка, расположение хедера-молотилки-очистки почти такие же, как в нашем довоенном «Коммунаре». Верней, наш первый комбайн повторил изначальную схему.)

Можно помнить, что первая в России «конная уборка на корню» построена в 1862 году — до написания «Анны Карениной», до «Братьев Карамазовых», а можно и быть не в курсе.

Но что это великая машина бережливости, что в XX веке она сберегла Земле миллиарды тонн зерна и тем помогла человечеству перевалить за четыре миллиарда одновременно живущих — ясно и ведомо всем. Наше комбайностроение — победа первых пятилеток, после ленинских **ста тысяч тракторов** именно комбайн стал символом сельского преобразования, индустриализация уборочных работ была рывком к **аграрно-промышленному комплексу**. Темпы? В 1930 году выпущено 347 «Коммунаров», в тридцать пятом — 25 тысяч, в 1936-м — 42 тысячи машин. Наши комбайностроительные заводы, писала Большая Советская Энциклопедия в 1938 году, «по своему оборудованию и по размерам производства превосходят лучшие заводы США». Стратегически здоровый курс: с самого начала зерновой комбайн приспособляется к уборке широкого набора культур — подсолнечника, сои, семян трав и т. д., к тому же северные районы (хлеб влажнее, соломистей) получили особый вариант комбайна...

Волею войны сам я без книг знаю, что такое цеп. Капица не только фамилия, но и ременное кольцо, чтобы могло крутиться било цепа. Жалею, что не могу привезти домой из причерноморских усадебных оград два-три молотильных камня — память если не о царских скифах, так о гнездюках-запорожцах наверное. Знаю сам, как работает молотилка от локомотива, питаемого тут же промолоченной, свежей соломой. «Я тоби казав — ступай бы пид полову!» — грозил беспальный бригадир, посылая хныкающего верховного пацана под душный остюковый водопад.

За 28 рабочих осеней я стоял на мостиках (неловко же говорить катся!) всех отечественных систем от «Коммунара—1» до «Дона—1500», видел комбайновое производство и молотьбу в Америке. Самостоятельно не убрал ни гектара, не знаю названий многих узлов молотилки. Не дело упрекать журналиста в техническом невежестве. Он невежа тогда, когда перевирает услышанное, тупица тогда, когда ему не говорят правды, пустозвон, если не дошел до тех концов, до каких дойти мог и был должен.

Неизменного нет, это уж точно. Каким трудным был возврат от прямого комбайнирования к раздельной уборке, хотя тогда, в середине пятидесятых, еще добрая половина колхозников помнила и снопы, и кресты, и молотьбу зимой... Не исключено, доживем до отказа молотить на ходу, вернемся к здравому дедову методу: убрать колос от стихий — а под крышей на стационаре молоти хоть до нового хлеба! Энергоемкая и комичная по тупости работа — заодно с колосом перебивать в труху сотни миллионов тонн соломы — тоже будет в свой час прекращена. Как — пока не знаем.

Твердо можно говорить одно: в стране, сеющей пшеницы больше всех в мире, машины хлебной уборки никогда не перестанут быть отметкой развития общества. Каков комбайн, таков и урожай. Вне комбайна, помимо уборочного комплекса, хлебный сбор расти не будет — взвешивают ведь намолоченное, а не мнимости.

Впрочем, разве потери — мнимость? Что, как не комбайн, делит реальный, вызревший хлеб на валовой сбор и допущенные потери? Службы учета потерь (учета антинародного, скажем так, хозяйства) у нас нет, ЦСУ довольствуется только активом, брезгая тем, что упало с возу. Никакая цифра оставленного на 130 миллионах гектаров зерна ныне не может быть объявлена точной, это так, но и с тем спора нет: свести потери до заявленного в характеристиках машин, технологий и значит теперь на деле выполнить Продовольственную программу по зерну.

Верю твердо, как в земное притяжение, что ворох бессмыслиц с комбайном и вокруг комбайна, способный озадачить (расстроить, взбесить) и дилетанта, и, наверное, ученого, — аномалия. Временный сбой в зерновой истории страны. Все мнимо сложное и убого значительное так не вяжется с вековой мудростью земледельческого по рождению и по восприятию мира народа, что убеждать кого-то или себя самого — непременно, мол, перемелется, мука будет, со смехом станем вспоминать — занятие пустое. Но пока живем мы (а живем все срок, увы, ограниченный) — это дело крупной жизненной драки. В новой пятилетке надо, просто необходимо, подчеркивалось на Пленуме ЦК в октябре 1980 года, «создать и начать выпуск такого пропашиного трактора и такого зернового комбайна, которые по своим характеристикам отвечали бы самым высоким современным требованиям».

Машина, считает словарь, есть устройство, выполняющее механические движения с целью преобразования энергии, материалов или информации.

Она же, машина, может быть запечатленным образом времени, отриском отношений между людьми. Потому и возникла эта манера: памятником людям ставить машину — «тридцатьчетверку», «универсал» или «трехтонку». Все тут разом: и производительные силы, и производственные отношения...

I

*«... появится какая-нибудь книга, в которой скажется
иногда горькая правда, они вылезут со всех углов, как пауки,
увидевшие, что запуталась в паутине муха, и подымут во-
круг крики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провоз-
глашать об этом? Ведь это все, что ни описано здесь, это
все наше — хорошо ли это? А что скажут иностранцы?
Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не па-
триоты?» На такие мудрые замечания, особенно насчет
мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать
в ответ».*

Н. Гоголь

В цехах «Ростсельмаша» я решил бывать только без пропуска. Мальчишество — или похуже что? На руках командировка газеты, в кармане надлежащие удостоверения — стоит ли рисковать?

Но в кузницу входят без стука, верно? В поля, ради которых и дымят все кузни — даже такие большие, как «Ростсельмаш», — вообще пропусков не требуется.

Даже спутники, и отнюдь не только наши, видят и фотографируют состояние зерновых — какие уж там пропуска.

К тому же эти лихие местные киношники...

— Мы решили снять короткометражку «Украли комбайн». Все было на мази, и трейлер втихую подыскали, а тему — на тебе! — вон из плана... Там столько доставал и снабженцев шатается! И что вы можете вызнать такого, чего не знает любой дядька из колхоза «Красная синька»? Конечно, приведите себя в порядок: дубленку снять, галстук...

Ну уж, без маскировок. Ходить — так только таким, как всегда, как и для «Сельского часа» снимаюсь. Задержат — скажу правду: ищу, откуда возник комбайн № 320808.

«Нива» под этим номером с патетической надписью «Лучшему комбайнеру Казахстана в честь 50-летнего юбилея «Ростсельмаша» поступила Кустанайскому механизатору, лауреату премии Ленинского комсомо-

ла Николаю Ложковому, а он разберись да и напиши в «Литературную газету»: «Ничего себе «подарочек»! Согнут вал выгрузного шнека, рычаги набивателя соломы приварены не в одной плоскости, в направляющей втулке выжимного подшипника не нарезана маслогонная резьба. В письме своем («ЛГ» за 31 октября 1979 г.) он сдержанно, без истерик, взывал к совести всей Донской Кузницы:

«Потери запланированы в самой конструкции комбайна. Но потери — это не только оставшееся зерно после обмолота в поле. Это и зерно с низким качеством при запоздалой уборке. Вы думаете, я и мои товарищи хотим этого? Ни в коем случае! Это ж наш труд, наш пот, почти круглосуточная работа весной и осенью. Наша работа — не физзарядка для здоровья и удовольствия! И вроде бы в нашей бригаде нет разгильдяев и транжир. Живем-то своим трудом, с рубля... А на практике получается, что мы сами себе вроде бы враги. Все-таки часть хлеба оставляем в поле.

И причиной этому то, что мы не можем работать, как надо бы, как нам хотелось бы. Когда все на ходу, работа не изматывает тебя. Намолотишь бункеров 30—40 и не падаешь с ног от усталости. А устаешь от разного рода безобразий... За всю уборку не было такого дня в бригаде, чтобы из-за поломок не стояли 3—4 комбайна».

Черный юмор адреса («лучшему комбайнеру») в том, что наилучшему на такой машине и делать нечего. Середняку с двумя-тремя уборками за плечами, не говоря уже о первогодке из училища, ничем не углядеть, что дорожка для масла не прорезана — и выжимной подшипник у него будет катиться к чертям методически, раз за разом, приводя в ярость и механика, и бригадира — про свою муку какой разговор. Не окажись дошлым следователем, не проверь опасно, как минер, каждый узел, каждое крепление — уборка обернется наказанием. Кому флажки и заработок, а тебе ссадины на руках, немое сочувствие домашних и ненависть к железному мучителю.

Честно сказать, я допускал, что номер 320808 — мятый пар, давно обужденный и осужденный случай. Может, поэтому и не торопился в ОТК. В многотиражке продавали с песком всех виновных, целиннику вместе с извинительным письмом послан новенький комбайн, какому износа не будет — баста, что старое поминать. Приняты меры, приняты, дорогой товарищ, где «прибыл — убыл» шлепнуть? И логический конец командировке — отрадный, только слишком скорый.

Ведь он все-таки вышел отсюда, злосчастный номер 320808! И как ни грешна железная дорога — не она лишила смазки выжимной подшипник. Что ни говори про «Сельхозтехнику», не она косо-криво сварила копнитель. Завод виноват! И это отборный, дареный конь, а что ж идет в ширпотребе?

Не без умысла приехал в лучшее, спокойное для цехов время: середина января, декабрьская штурмовщина позади, до уборки еще ого-го

сколько. Недаром проницательный потребитель ищет всегда машину, выпущенную в середине месяца.

Обременять бюро пропусков не стал: для начала меня провезли на территорию те приятели-киношники, их «рафик» примелькался; потом проходил с какими-нибудь проверяющими (к ним охрана почтительна, а сами они решительны). Случалось и с конструкторами попадать — как бы в пылу спора, «давайте-ка в цехах поглядим». Не без того, иногда спрашивали, потолковав уже минут пятнадцать:

— А вы, собственно, откуда?

— Из комитета, — приучился отвечать я. Из какого комитета? Народного контроля? Советских женщин? Еще какого-то там? Не уточняли. В сущности и обмана с моей стороны не было: Гостелерадио — тоже ведь комитет. Ходил как на работу — загроможденными путями меж цехов, бойкой дорогой «на гору», куда трактора этими челюстями влекли столкнутые с конвейера «Нивы», напоминающая настырного муравья и безразличную ко всему личинку. Научился выбирать у главного конвейера безопасные места, завел знакомства...

Почему меня не выявили? Почему я мог в рабочее время пытаться да расспрашивать, разводя такую пресс-конференцию, где журналист один, а отвечают десятки?

Потому, что к массе проверяющих привыкли, они обыкновенны, как гром на сборке или очередь в столовой. Потому, что в цехах «Ростсельмаша» много не занятых делом. Работая не покалякаешь — для этого нужен простой.

Белой вороной, инородным телом я, бывало, себя ощущал — но где? На поле у Кошкина, в кулундинском совхозе «Степной». Вроде и десятилетия знакомства, надо бы и повспоминать и даже учинить ужин, но Кошкин взял обязательство намолотить тридцать тысяч центнеров (жутко произнести!), а молодые дают по всем флангам, а лет Петру Кошкину столько же, сколько и мне, и единственный наш козырь — тягучесть, потому и разговору за целый приезд — три-четыре минуты с виноватым «ты не сердчай» вместо прощания.

И еще кое-где. Но особенно — на комбайновом заводе фирмы «Джон Дир» в Иллинойсе. Там ты был весь как на ладошке! Даже ощущение наготы. Не потому только, что — русский (хотя глазок-смотрок, без сомнения, не дремал), а больше потому, что был не при деле, то есть не входил в какую-то «стейшн» конвейера, не носился на электрокаре, как уборщик-негр, не летал в люльке с респиратором на физиономии, обдувая металл распыленной фирменной краской, — только спрашивал. А спрашивать, естественно, мог только главного инженера, который и показывал линию (давно условлен день, отложено совещание). Безработные — они где-то там, за проходной, на которой наглядная агитация: шлюпка с дюжиной лихих гребцов плюс надпись насчет того, что «мы все здесь — одна команда, грести должны в одну сторону». Не гре-

буший, то есть склонный точить ласы или допускать прогулы, не только мастером будет выявлен, но и профсоюзом прижат — и выжат, ибо за коллективный договор с фирмой тягался тред-юнион и прогулявший смену без предварительной просьбы — лишний козырь у фирмы в руках. Кому толковать о беспощадности капитализма? О безработице и т. д.? Но организация, четкость, синхронность работ слагаются в ту надежность, какая и компанию «Джон Дир» чуть не полтора века сохраняет на плаву, и нашими испытателями — при рабочих конкурсах в поле — подтверждается ежегодно.

Вот открытия, какие я сам для себя — с большим опозданием — сделал на «Ростсельмаше».

Комбайн не сходит с конвейера — его свозят. Самоходный он только по названию — учиться ходьбе ему придется в степи. А поскольку это «сырец», полуфабрикат, то и про ответственность завода можно говорить лишь условно. Хороши ли котлеты в кулинарии? Да как сам их приготовишь... Под предлогом сложностей с перевозкой доделка машины переложена на покупателя. Внедрена неведомая прежде форма аграрно-промышленных связей, когда село с явно неравным потенциалом делается финальным со-изготовителем машины. Ни в тракторостроении, ни в автомобилестроении ничего похожего нет. О самолетостроении не знаю.

Собирают «Ниву» не ростсельмашевцы собственно, а завод вкуче с «привлеченными»: четыре тысячи временных, необученных и, следовательно, безответственных рабочих постоянно доставляются сюда из всех регионов страны. За год сквозь завод протекает, таким образом, около 50 тысяч человек со стороны — больше стабильного состава. Дисбаланс между планом на комбайны, производительностью труда «Ростсельмаша» и наличием рабочих рук покрывается за счет страдающего от малолюдья аграрного сектора.

Принимают готовую продукцию на заводской территории — не заводя, на глаз, уж точно «со стороны». Если с теми же котлетами сравнивать, то как бы дегустация через стекло витрины.

Явившись под конец в ОТК, я положенным образом представился, был принят заместителем начальника Юрием Федоровичем Милевским, инженером с 25-летним стажем работы на «Ростсельмаше», и выслушал лекцию — вариации на тему «все хорошо, прекрасная маркиза».

Массовый выпуск, семьдесят восемь тысяч комбайнов за один прошлый год — согласитесь, что какие-то экземпляры могут быть с недостатками. Индивидуальный подход немыслим, операции рассчитаны по секундам. Но коэффициент готовности СК-5 уже очень высок — объективно он равен 0,934. Это значит, что в 934 случаях из тысячи комбайн будет исправно работать и только в остальных шестидесяти шести попросит ухода или ремонта. Конечно, тут заслуга и технического контроля. Надо поднять этот коэффициент до 0,95 — и будет идеальная для ре-

альности готовность. Во всех зерновых зонах созданы базы гарантийного ремонта, да-да, наши ростовские базы, их сто двадцать по стране. За год было только 156 рекламаций — согласитесь, мизер для 78 тысяч... Да, это получается по одной рекламации в год на базу — если огрублять, но там занимаются и профилактикой. История Ложкового не зарегистрирована. Наверно, ограничился газетой, а формальной рекламации не послал. Трудно сказать, с чем там у него действительно беда. Если бы жалобы на мост, вариатор ходовой, коробку — заранее согласен, это слабые места. Болтокрепеж — тоже можно согласиться. Ведь привлеченные — они те же комбайнеры, а комбайнером теперь берут и десятиклассника, и парикмахера. Возврат с отстойника — дело субъективное. В хорошем настроении приемщик — пропустит, в плохом — вернет. Но со второй сдачи машины, как правило, уходят. Словом, сложности есть — а где их нет? — но коэффициент готовности 0,95 будет достигнут.

И тут я распрямился, хлопнул блокнотом и отвечал инженеру так: — Мы с вами, наверно, ровесники. И сейчас не в подкидного играем, где один дурак просто необходим. Какой ко-э-ффи-ци-ент? Он же не готовым уходит, комбайн, о какой же готовности я буду писать механизатору? Я верю — вы не спутали и тысячной. И в искренность вашу верю. Не в то, будто вы всерьез думаете, что на отстойник волокут одно добро, а вздорный приемщик качает права. Цену товару, наверно, знаете! Знаете и то, как дошли до жизни такой. Вы искренне не позволяете делать «крайним» завод. Потому что он — ваша жизнь. Такая ли, иная — другой у вас уже не будет. Как и у меня. Но вот — живые картины, без пропуска добытые, и я, дайте срок, доложу их кому надо. Кошкину Петру, тоже наш ровесник! Чабанову Федору Васильевичу! Тому же Ложковому Николаю, хоть и знать его доселе не знал.

Сказал и умолк.

Впрочем, и до того, разумеется, не раскрывал рта. Хорош бы я был с этикими филиппиками в ОТК «Ростсельмаша»!

А живые картины — другой разговор.

...Уже час прошел с начала смены, но табло пусто — ни единого...
А 85 «Нив» в смену — душа винтом — согнать надо.

— Из-за чего стоим? — тоном завсегдатая спрашиваю мастера.

— «Керогаз»... И «балалайка». И «гробик».

Раз я здесь, разницу между «балалайкой» и «гробиком» знать должен. Но мне жаргон сборки неинтересен. Смысл конвейера в том, что «керогаз» должны подать к сроку. Тут всё. Когда серьезный человек спрашивает тебя, как оно с мясом, пустое дело с твоей стороны талдычить про дефицит протеина в кормах да еще занудно перечислять незаменимые аминокислоты! Всякие триптофаны да лизины — тоже ведь жаргон, усложнение в частности, в туман, а тебя о говядине спрашивают. Важно, что с мясом — и когда конвейер пойдет.

— А потом будут нахлестывать, — стараюсь разговорить я.

— Неужели!.. До обеда хорошо если двадцать сделаем, а потом пойдет крутоверть — в гору глянуть некогда. И спрашивай качество... Вы откуда?

— Из комитета, — сказал я. — Как раз насчет качества.

— А-а... Крепить молотилку надо на весу, с крана — вот и начало качества. Есть у крановщицы время — она держит, ждет, запарка пошла — разбросает по кузовам, подгоняя потом, Ваня, выравнивай. А ведь и тонна весу бывает в железке.

Зовут его Юрием Дмитриевичем. На «Ростсельмаше» шестнадцать лет, диплом добывал заочно. Лучше становится? Ну, не-ет. Даже при бригадном подряде? А что подряд — колдун какой? В бригаде сейчас двадцать восемь человек, двое привлеченных. Из Тулы. Нет, из Тюмени? Не запомнишь, они три дня числятся учениками, а потом месяц отбывают.

Табельщица раздает расчетные листки, декабрьская зарплата. Можно мне, на память? Та берите, жена и так знает. У Юрия, значит, Дмитриевича, мастера участка — 170 рублей 45 копеек. Ни у кого из рядовых сборщиков (а листов со счетной машины у меня уже пачечка) такой зарплаты за декабрь нет. У Сулейманова, слесаря — 351 с копейками, иные хлопцы и по четыре сотни получили. Тут, мне говорят, и черные субботы, и полторы-две «станции» (сборщик совмещает операции), вообще бригадный подряд заработок поднял. Что толковать — даром не платят. Когда нахлынут, наконец, «корогазы» и «гробики», ритм страшный, выматает в лоскуты. Да и однообразие заученных движений, тысячекратно повторяемых нынче, завтра, через год... Это тебе не пестрота аграрного сектора, где ни двух во всем схожих коров, ни двух нив, ни двух идентичных деревьев, где мозг ты никак не выключишь, автоматизмом не возьмешь, — не сельский, говорю, труд, какой пока еще нужно поднимать до уровня промышленного!

Но сборщик реализует синхроны. Несинхрон устраняет инженер — от мастера и выше. Чтобы получать сто восемьдесят в месяц, надо быть не просто, а в е д у щ и м конструктором. Чтобы чей-нибудь заработок в инженерном составе или в КБ достиг тех четырехсот, что получают парни на втором году работы, нужен, кажется, особый приказ министра.

Тут не мой монастырь — и чужие уставы. Есть целая литература о заводском инженере — от Анатолия Аграновского до молодого Валерия Выжуговича. Я могу сказать своим только элементарное: качество комбайна (нынешнее) идет от разнобоя, люфта, простоя-спешки, а это зависит от инженера самого разного ранга. «Надежность — это социальная категория», — сказал афоризмом главный конструктор Иван Киреевич Мещеряков. А заработная плата — нет?

— Мастер Петрухин, — вдруг проснулось радио, — четыре малых вариатора на обкатке.

— Ну, вроде начинается, — подтянулся Юрий Дмитриевич, и я отошел в затишек.

...Чтобы под куполом сборочного различить некий отдельный стук, нужен стук выдающийся. Такой и раздается. Яростный, мстительный — будто кто-то настиг, повалил и теперь добивает. Но кто? Мы не на главном конвейере, освещено плохо, вроде и не видать никого.

— Да вон он, внизу, — оборачивает меня конструктор Тищенко. — Вдогонку ставит чего-то.

Вытаскиваем. Потный, встрепанный весь, фигурой с подростка, видом — из Средней Азии, но в матросской тельняшке.

— Чего разошелся? Зачем молотком бил?

Отвечает, а не разобрать: и шум, и грохот. Ага, «не налазила!» Не налазила она у него, муфта шнека, а ставить заставляют вдогон, комбайн отползает, гляди — уползет совсем, вот он и дал. Откуда?

— Каракалпакия.

— Зовут как?

— Уразов Сасенбай!

— Давно на заводе?

— Три дня скоро.

Погнул, изувечил он ту, что «не налазила», Уразов Сасенбай. Заменить уже не заменят, поезд ушел, аукнется в Кулунде.

Если Каракалпакия, то надо привыкнуть к Ростову. После Ростова — к заводу. Первую неделю, говорят, мучит сильная жажда — потеешь. Любый сельский житель в метро и в московской толчее потеет — тут не жара, а нервы, гнет впечатлений. Но в городе хоть молотилки над тобой не летают! Этому на третий день дали кувалду, он и отплатил за все... муфте!

Почему, однако, кувалда? Комбайн же надо с о б и р а т ь, а не с б и в а т ь? Не с собою же он привез это, в руке — не молот, но уже и не молоток. И децибелы под кровлей цеха — они ж от кувалд!

Наставник долго воспитывать не может — две станции! Малый рукавом тельняшки утирает лоб. Надолго запомнит он это п о в ы ш е н и е к в а л и ф и к а ц и и.

Мы с конструктором идем дальше, и Тищенко продолжает нехстати прерванный разговор — отчасти теоретического, может, и философского свойства:

— Как это вообще может быть — нехватка людей? Чтобы энному количеству людей самих себя не хватало? Ну, завези откуда-нибудь еще миллион, так и им не хватит самих себя обработать! Нет, при данном плане, при такой вот производительности труда, при данных производственных отношениях — я понимаю, а вообще — нонсенс...

Именно этот Тищенко, ведущий конструктор Николай Михайлович, единственный потребовал было от меня пойти сначала добыть форменный пропуск. Но потом, правда, махнул рукой.

...Где кончается сборка — на конвейере? Ничуть. За стеной цеха? В Таганроге видел: собирают (доукомплектовывают!) и за стеной. В Ростове убедился: и на площадке готовой продукции — бригады слесарей (полевые, всепогодные) донизывают кораблям степен какую-то архитектурную сбрю. Так что, вплоть до приемки? И это неточно.

Приемка, оказывается, идет партиями. Выдано свидетельство о рождении на 37, скажем, «Нив». Главный приемщик Пирогов П. Е. осматривает этот взвод н а р у ж н о, внешним осмотром и...

— ...если дефекты незначительные, то в процессе приемки слесаря устраняют, если же в сварке брак или течет гидравлика, течь моста, по регулировке что серьезное — мы возвращаем цеху на доделку.

— Помилуйте, Петр Ефимович, ведь не лошади в табуне! Все внешне да наружно — там же и середка есть.

— А из каждой партии мы берем один комбайн на испытание. Прокрутка, взаимодействие рабочих органов, крепеж — и, если выявлены серьезные дефекты, возвращаем всю партию. Пока в среднем возвращаем один из трех предъявленных.

— Но на нем же ни кабины, ни шнека, ни жатки! Значит, как он косит, выгружает, как приборы работают — вообще узнать нельзя?

Это нельзя, соглашается Пирогов П. Е. (уже двадцатый год на «Ростсельмаше», принял сотни тысяч комбайнов). По инструкции надо дособрать машину, шестьдесят часов обкатки ей дать, поменять масло — тогда пожалуйста.

Легко сказать — дособрать! Кабину водрузить на место — это же груз какой, без крана не обойтись, да шнек, ствол с винтом Архимеда — тоже на пупке не пробуй, а...

— ...а всего к молотилке двадцать три комплектовочных ящика идут, да по жатке из Тулы еще следуют семь мест. В ящиках навалом поступают две тысячи девятьсот крепежных болтов, винтов, гаек, без которых машину не сложишь. Ясно, что краны нужны, приспособленные помещения, люди. Сам «Ростсельмаш» затрачивает на одну машину 226 часов, а дособрать — еще по расчетам 120 часов работы.

— Так когда же кончается сборка, Петр Ефимыч?

— А как убирать начнут, — шутит приемщик. — Вошли в полосу — сборка стоп.

Н. Н. Смеляков, инженер и писатель, заместитель министра внешней торговли, считает: теперь кабина так связана с организмом машины, что досылать ее в поле — это как руку отправлять: дескать, на месте и вены, и нервы сошьете. Допустим, что сравнение спорно. Но когда вещь, поглотившая 226 единиц труда и объявленная готовой, требует от купившего еще 120 единиц для своего оживления — тут бесспорный уникум.

...Веселая и наивная история о к о м б а й н е для самого себя, комбайне Саши Ткаченко. Косая сажень в плечах, открытый и улыбли-

вый, он и в штурмовке щеголеват, Саша из Усть-Лабы, комсомольский бригадир со сборки в Таганроге. Идея — собрать «Колос» для себя лично, начать уборку, скажем, в Молдавии, а кончать уже на целине. Ребят подобралось пятеро, молодожены, гроши всем нужны, только дай «Колоса» — пойдут считать меридианы.

— Во почин, правда? Следите за газетами, — светится радостью Саша.

Стой, а убирал уже? Хотя какой-то опыт есть?

Нет, только на курсах пока, зато ж комбайн знает как свои пять пальцев. И мастером был, и весь конвейер — свои люди.

А как обломаетесь уже в Молдавии? Будешь маяться весь сезон.

Так в том и штука, что комбайн у него будет заговоренный, волшебный комбайн! Все кругом хоть трескайся, а они — топ-топ целую осень, рекордный намолот. А почему — секрет фирмы! Хотите, покажу? Сейчас стоим, и до обеда все равно работы не будет — пошли с начала.

Вот рама, так? Основа основ. На швеллере — квадратики, автомат пробил. Но смотрите, ка-ак пробил! То к этому краю, то к тому, а чтоб по середине — ищи да ищи. И никому тут не докажешь, что — брак. Говорят — «Можно поставить молотилку? Ну и ставь». Можно-то можно — силой! Методом втыка, а скажется обязательно. Вибрация пойдет, напряжение — лопнет твой швеллер, и кукуй. На таком ехать в степь? Просто смешно. А найти себе раму можно! Десятки перебрать, мужиков озадачить, свою бригаду нацелить, до сердца дойти, а для своей инициативы сделать. Дальше — мост. Мост и коробка замечательны тем, что снаружи всегда все в порядке, роща-калина, темно — не видно, гадости только внутри. Так привлеки ты бригадира, даже знакомого конструктора, и живые люди такую коробочку тебе соберут, что в огонь и воду. И по молотилке обойти — что, не отзовутся? И жатку дома еще отладить, прокрутить, заменить все хоть капельку ненадежное. Кругом хруст, говорю, может стоять, а наша пятерка будет идти клином, во-от такие глаза будут у всех. Конечно, резерв запчастей полный, запас не тянет, посыпалась — в час заменил. Надежность у «Колоса» какая — ноль девяносто с чем-то? Так она ж в натуре будет, надежность: на сто часов работы — ну пять, ну шесть прстоишь, что ж, радость, а не уборка. Конечно, собирать так уж собирать, спокойно, с удовольствием, а не как на пожаре — подождите, он после обеда начнется, еще тот будет цирк.

Значит, всякий, кто сам отобрал бы себе узлы на комбайн и слепил их, в поле не знал бы беды?

— Так для себя же! Следите за газетами, я серьезно!

Служебное положение — в служебных целях. И парень-то больно славный, и на почину в Ростове легки, а не верилось отчего-то, что при-

дется искать его в газетах. Какая-то подковырка, едкое что-то таилось во всей задумке.

И точно. Приехал на другую зиму, отыскал его в цеху, даже камеру приготовили — авось придется снять. Ну, что почин, Саша?

— Не вышло, знаете. Что-то мы не так поняли. Выезжали, правда, ребята под Таганрог, но — на рядовых. Я и не просился — зачем?..

«А что скажут иностранцы?» Ведь мы продаем технику за рубеж, и даже комбайны покупают у нас столько-то стран. Десять лет уже как стал в своих очерках — так ли, иначе — касаться качества техники, и всякий раз — вопрос, даже текстуально совпадающий с ироническим гоголевским: «А что скажут?..»

Да ничего не скажут. Потому что вышеизложенное их не коснется. Потому что это совершенно особое производство — экспортный цех РСМ. И это отдельная фирма — «Запчастьэкспорт». Она тоже занимается техническим сервисом, но вовсе не похожа на «Сельхозтехнику». Если в производстве, в цеху — простор, эргономика, диковинная опрятность, если и контроль, и допуски, даже металл здесь не чета цехам обыкновенным, то на главных складах «Запчастьэкспорта» (Н. Н. Смеляков посоветовал съездить и приглядеться) систематичность, напоминающая Ленинскую библиотеку, а замечательная и многим выдающаяся ЭВМ (я не готов понять — чем именно) знает и помнит, что нужно такой-то «Ниве» в Ираке и такой-то «Беларуси» в Иордании. Ощущение: «Значит, можем?!»

Если и скажет что какой-то дотошный иностранец, то только одно: «А почему с внутренней продукцией не так?»

И резонно, между прочим, спросит.

II

Цыган, лежа под шатром:

— Жинка, какие ж у нас с тобой дети грязные! Этих отмоем — или новых наробим?

Украинская хуторская байка

Юрия Александровича Пескова мы, киногруппа ЦТ, впервые увидели в большом ростовском ресторане. Гремели стереоколонки, немолдые пары танцевали — провожали на пенсию начальника литейного цеха. Что в литейке до пятидесяти пяти отслужить — ого-го надо здоровье, что тот, кого провожают, навел порядок будь-буди — это нам рассказал

наш опекун Олег Игнатьевич, а в танцующем с женой юбиляра генеральном директоре тебе виделось одно: так и надо. Даже — т о л ь к о т а к и надо! И не потому, что разделенный праздник перечеркнет выговора десятилетий, не потому, что неминуемую горечь отчасти снимет, а по-человечески, как надо. Сказано же: директора должны быть не Чешковыми, а добрыми и доступными!

Песков и послужным списком никак не «человек со стороны»: вырос здесь от ученика на радиаторном до главного инженера «Ростсельмаша» и переход с СК-4 на «Ниву», и тысячи доделок на той «Ниве», и выпуск миллион шестисоттысячного комбайна, и перевыполнение последней пятилетки на целых 15 тысяч «Нив» — все при нем. От главного инженера уже одна ступенька до генерального.

Оно, конечно, с поветрием фирм-объединений титул этот резко упал в цене. И районный свиновод, вечно ждущий откуда-то вагончик концентраторов, и управляющий производством чулок на базе трех бывших артелей без юмора обретают и носят тот золотящийся чин — как сорванцы-третеклассники таскают на школьных куртках половинки старых лейтенантских погон... Но тут — полновесно! Больше половины мирового производства уборочных машин — какой же еще генеральности! Концентрация личной ответственности просто немыслимая для сельских мерок: восемьдесят процентов зерновых комбайнов страны, судьба урожая чуть ли не на ста миллионах гектаров. И генерал не штабной — фронтовик: самому своих сорок тысяч людей кормить надо. Ладно, пусть не совсем кормить — п о д к а р м л и в а т ь, но продовольственная ситуация уже такая, что если только заработком захочешь обеспечивать да жильем, недооценивая харчи, — пойдет перелив к соседям. Производство металлоемкое, ритм скаженный, а в гастрономах — китовое мясо по два рубля кило, на рынке ни к чему не подступиться.

— Добыл шесть тысяч тонн картошки, — позже услышал я от Юрия Александровича. — Сорок часов в самолете без сна, облетели семь областей, зато зимний вопрос решен. Считай, по полтора центнера на каждого работающего.

Один из цехов завода — подсобное хозяйство. Глотает миллионы этот внутренний совхоз не хуже литейки и инструментального, противостоит всем этим инородным телам внутри индустрии как-то затёрлась, замаслилась — область уже около трети мяса производит в таких вот совхозах-цехах. Уж куда: «Атоммаш» развел огороды и подсвинков! И маятник пока идет в ту сторону, про счет, хозрасчет и специализацию еще разговоров не слышно.

В канун новогодья генеральный директор начинал день с содержимого съестных «заказов»: как там с финскими макаронами? Решено, наконец, насчет пятнадцати тысяч плиток шоколада? Еще непривычно и муторно при таких разговорах аграрию. Людям прямой бы работой за-

ниматься. А кто на макароны стаскивает? Ты, голубчик, твоя сфера. И кого стаскивает? РСМ, локомотив прогресса в земледелии.

Кубанцы-друзья рассказывали, что Песков на испытаниях «Дона-1500» вел себя просто героически. Отравился где-то в дороге, заболел, но машин не оставил, жил на хуторе у Первицкого, конструкторы спали в соломе, обучая ходьбе наспех склепанные первые образцы. «Дону» дали фору, сразу, через ступень — на государственные испытания, и все нескладухи-нелепицы одолевались перерасходом энергии. Собственной, ясное дело, нервной.

Показывая заводское училище — щегольское, в мраморе и полировке, Песков вместе с нами заметил, что разит аммиаком — неисправные туалеты дурно себя ведут. И при гостях, с непосредственностью Петра Первого, разнес по первое число директора.

Его сын здесь же, на заводе, кончал втуз и теперь мастером на алюминиевом литье.

Телевидение — штука опасная, шутит меж делом. Летом попал в Сочи на «Красную гвоздику», такой фестиваль, а оператор с ними — и в эфир. Хорошо, что соседкой была просто жена, ее все знают, а ежели б просто соседка?

Ростов сказать умеет, считался родней Одессе. И в директорской речи нет-нет и почувешь южное это родство. «Он работает как примус: пока качают — шипит», — походя характеризует кого-то.

Идеально — увлечь бы генерального в полевую бригаду, усадить лицом к деревне, за один стол с мужиками. Неравный уровень? Стратегия — и окопная правда? Ну так надо же с умом, не топя разговор в мелочевке. Притом старый комбайнер — вполне самостоятельная боевая единица, а комбайн — чистой воды общественная машина: ни шабашек на нем, как на тракторе или самосвале, ни себе домашних привилегий — только хлеб Родине! С этим людом и являть мужественную прямоту, стратегическую зоркость командиров АПК.

Да не хвалить за то, что человек должен делать по назначению своему! Комбайнер убрал за декаду — чему ж тут хлопать? Конструктор сделал машину не хуже, чем делают и тысячами продают где-то, — так «гром победы»?

Не изобрел же он ни кабины с искусственным климатом, ни гидравлической передачи, что без рывков, плавно и быстро сообщает колесам силу мотора, и сигнализатора о потерях не измыслил — все уже десятилетия на службе у земледельцев, он только возьмет лучшее оттуда, отсюда и соединит в новой машине. Но и то должен держать он в уме, конструктор, что взять у одного замечательный нос, у другого губы, у третьего уши или брови не значит достичь идеальной красоты. Завершили его испытания — только сытный хлеб правды, реализм, а сегодня реализм — «Нива», и целинные мои дружки дослужат, увы, на этой «Ниве», и на пенсионных их балах будут механики с «Нивы», и хлеб

восьмидесятых годов пребудет фактически хлебом реальной «Нивы». Перегруппировка сил, пересмотр стратегии — да, на то и Продовольственная программа. Остро недовольна зерновая экономика машиной? Об этом и на Пленуме ЦК... Но машина — она всегда и только то, как ее придумали, как изготовили и как на ней работают. Четвертого не дано. Сколько будет длиться варварское обращение с комбайном и в рабочее, и, главное, в нерабочее его время, при так называемом хранении? Хозяин и борону не оставит в лопухах, смажет — и под крышу, а сотни тысяч сложных и дорогих комбайнов буквально открыты всем стихиям — их полощут дожди, точит коррозия, раздирают морозы, лень даже резину снять, приспустить шины... Разумно ли усложнять конструкцию, насыщать ее новыми системами, если сохранится массовое расточение парка из-за элементарного разгильдяйства и раскардаша? Создатель техники не может не врезать примерно таким образом пользователям: накипело.

С другой стороны.

Зачем столько недоделанных комбайнов, может — лучше меньше, да лучше? Зачем, скажем, те 15 тысяч «Нив» сверх пятилетнего плана, если в пять или семь раз больше машин не участвует в уборке, если серийный комбайн останавливается в 5—7 раз чаще, чем тот, что прошел государственные испытания?

«Комбайн е техника вечного ремонта», — определил один бригадный сторож под Кустанаем. Почему «Ростсельмаш» не обслуживает свои машины сам? Когда у комбайнера будет столько запчастей, чтоб не мучиться? Когда конструкторы защитят здоровье человека?

Об этом заговорят наверняка, потому что об этом пишут методически! Все центральные газеты с «Правдой» во главе.

Собрались мы в дальнюю дорогу, в степь Северного Кавказа — на Кубань, в Ставрополье, а генеральный директор:

— С вами поедет Олег Игнатьевич. И еще начальник службы надежности Иван Георгиевич Войтов.

— Но, Юрий Александрович, у товарищей, очевидно, хватит дел на заводе. Я на Кубань ездил двадцать лет и вполне мог бы без провожатых.

— С вами поедут Олег Игнатьевич и Войтов, — отрезал директор.

А теперь наш «рафик» жмет строго на ост, впереди — Олег Игнатьевич, сзади Иван Георгиевич, фильтры от ненужной информации. Мы ли едем, нас ли везут? Вот тебе и хозяин и помощники.

— Олег Игнатьич, как бы на часок в бригаду Клепикова? Старый знакомый, герой — и дело есть.

— Нет проблем. Какой Клепиков, тот самый?

Да какой же еще — один на Кубань и на Союз, пожалуй, Клепиков, бригадир, депутат, член Центрального Комитета партии.

Только нету сейчас Михаила Ивановича, узнаём — на курорте по зимнему делу, но и коренники-механизаторы, и весь знаменитый колхоз «Кубань» налицо. В Усть-Лабинском райкоме прошу: нельзя ли начальника сельхозуправления и шефов «Сельхозтехники» на часок — для полноты круга? Что ж, для доброго разговора... Секретарь райкома Морозов в далеком начале нашего знакомства был еще колхозным зоотехником, и тут уж никаких дипломатий:

— Ну скажите, чего они боятся?

— А вот в бригаде вам скажут! — смеется секретарь.

Этот «круглый стол» транслировался и по первой программе телевидения, и по второй. Народу было снято много. Отсутствовал по уважительной причине старый комбайнер Виктор Харин. Он рядом, за стеной красного уголка, третью неделю маялся с новеньким «Колосом» («машина — инвалид от рождения!») и служил как бы камертоном разговора.

Конечно, мы мечтали о простецкой, заурядной, а не лучшей в стране бригаде. Весь машинный двор в асфальте, техника хранится образцово, но уж если здесь... Впрочем, запись уже идет.

— Эта бригада в прошлом году ячменя намолотила по 73 центнера, а центнеров 12 наверняка оставила на полосе. Только и исключительно по вине комбайнов! — говорит Георгий Иванович Лысых, — скорее вспахиваем поле после такой уборки, чтобы скрыть качество, и все равно оно зеленое от падалицы! Какие еще аргументы нужны? Завариваем вторую скорость, чтобы механизатор не мог, если бы и хотел, гнать быстро, но разве это мера? В районе 553 комбайна, стремимся убрать за семь — девять дней, но агрегат убирает по три-четыре гектара за световой день — куда дальше идти? Зачем мучить нашу кубанскую землю?

— Комбайн перегружен, — парировал И. Г. Войтов. — Он не рассчитан на такой урожай. Мы с вами не можем по сто мешков перенести? Так и машина.

— Коллектив завода «Ростсельмаш», — поддержал его Олег Игнатьевич, — прекрасно понимает, что урожаи неперестанно растут, об этом говорились и на Пленуме ЦК, и коллектив сейчас усиленно работает над созданием новой машины повышенной производительности.

(Я сейчас переписываю прямо со стенограммы, твердо помню, что никакие бумажки у нашего опекуна не было — каков стиль!)

— Вот тут товарищ по надежности, — гнет свое устылабинец Георгий Иванович. — В прошлом году получили двенадцать «Колосов» и «Нив», из них сезона не выработало, вышло из строя пять! Две «Нивы», три «Колоса». Ремонтировать? Да когда же их ремонтировать, если мы стараемся убрать за семь дней! Есть заводской представитель где-то в соседнем районе, так за семь дней, дай бог, его только найти. Вот автомобилестроители — у ВАЗа свой сервис, у КамАЗа — свой. А почему комбайновая промышленность свой сервис обрывает как раз на сель-

ском хозяйстве? Если бы фирма отвечала за своих детей, имела бы на них запасные части — был бы совсем другой разговор. А то как кукушки — лишь бы яйцо закинуть.

Ю. А. Песков (стенограмма ответа о фирменном ремонте):

— Мы сегодня не готовы к этому вопросу. Чтобы создать станции техобслуживания, нужно затратить не одну сотню миллионов рублей. Комбайн — это не автомобиль «Жигули», он имеет не ту скорость, не те возможности перемещения по дорогам нашей большой страны. Поэтому опорных баз, станций технического обслуживания потребуется в несколько раз больше, чем, значит, для автомобиля. А с другой стороны, этот вопрос поручен сегодня «Сельхозтехнике», так решили три министра. У нас есть организации при «Сельхозтехнике», где производится стопроцентный ремонт. Харьковский завод «Серп и молот» дает запасные части, сто процентов дает на эти станции, а мы двигатели восстанавливаем.

Пояснение для Виктора Харина, который мучился с новеньким и никого не слышал... Меня удивило, что Юрий Александрович Песков ни на одном из зарубежных комбайновых заводов, делающих погоду в этой отрасли, сам не был, с организацией фирменного ремонта незнакомился и мировой принцип «кто делает машину, тот за нее и отвечает» не имел возможности пощупать. Еще любопытнее, что генеральный директор «Ростсельмаша» не бывал на ВАЗе и КамАЗе, составивших, что спорить, этап в машиностроении страны. Что про аграриев ни говори, а в нашем секторе такие пробелы (или контакты с коллегами) немислимы. Насчет первого (поездки за рубеж) дело несколько поправлено: Н. Н. Смеляков позже рассказывал мне, что Ю. А. Песков был-таки командирован в США и вернулся с массой ценных наблюдений.

Комбайнер Александр Васильевич Сырцов, 1929 года рождения, стаж работы 35 лет:

— Я, когда на молотье, по три пятилитровых бачка воды в день выпиваю, такая в кабине жара. Ваше дело — требовать производительной молотилки, а я скажу, как человеку работается. Очищения воздуха не происходит, та ваша губка сразу забивается, остается только маленький вентилятор, он тебе дует пыль и остюки в глаза...

— Правы комбайнеры, условия в нашей кабине на «Ниве» очень тяжелые, — ответил Олег Игнатьевич. — Поэтому в новой машине особое внимание уделено кабине. Она разработана по ГОСТам, по всем требованиям эргономики. Предполагается поставить кондиционер для охлаждения воздуха.

— Кондиционер — он обещание или реальность? Когда его можно ожидать? — мой вопрос.

— Ну, он частично уже стоит на тракторе Т-150, но... (далее в стенограмме неразборчиво, да неясно оно было и в устах Олега Игнатьевича. Тот испаритель, что ставят на часть харьковских тракторов, есть со-

здатель особо влажной атмосферы, и большой услугой механизатору его никак не сочтешь. А с настоящим фреоновым кондиционером — мне о нем впервые удалось написать уже десять лет тому — практически неясно, ясно же, что запечатывать человека на жару в непроницаемую кабину без специального охладителя воздуха нельзя).

...Передо мной лежала свежая «Правда» со статьей смоленского механизатора, где говорилось о партнерах хлебобоба: «Казалось бы, общим делом заняты, но получается так, как в той басне про лебедя, рака и щуку. Каждый тянет в свою сторону».

— Олег Игнатьевич,— спрашиваю перед камерой нашего опекуна,— в этой крыловской троице что, по-вашему, символизирует машиностроение?

— Ничего. У нас содружество с «Сельхозтехникой» и контакт с селом.

Тот же вопрос представителю ремонтного ведомства — и тоже солидарное:

— У нас ничего похожего на эту басню. Мероприятия согласованные, снабжение плановое и гарантированное.

— А сельская сторона? — спрашиваю устылабинцев.

— А село и остается тем возком, что и ныне там! — к общему веселю отвечает Георгий Иванович Лысых.

За время, отданное «Ниве», мне довелось слышать безоговорочное — «я виноват».

— Я виноват в том, что широкозахватные жатки не выпускались столько лет, комбайны использовались на косовице, а молотилки были недогружены,— прямо сказал Александр Александрович Пивоваров в Госплане СССР.— Не один я, разумеется, это было бы манией величия, наш подотдел не министерство. Но где зависело лично от меня — нужного я не сделал.

Опять-таки аплодировать, что ли, госплановцу? Был конструктором в Таганроге, на партийной работе был, отрасль знает насквозь. А мы сами так уж ничего и не знаем? За двадцать лет пропускная способность комбайнов повысилась с трех до 5—8 килограммов в секунду, а захват — каким ты был, таким остался: 4—6 метров. Поэтому средняя загрузка комбайнов составляет сорок процентов, в сухие годы — ниже. Основное в ускорении уборки — повысить среднюю загрузку сотен тысяч готовых комбайнов, наладить выпуск сравнительно дешевых широких жаток и хедеров, да сначала наладить этот выпуск, а потом наращивать пропускную способность молотилки. Что, мы с вами этого не знали? А ну-ка, целинники, не пятнадцать ли лет назад пошел по великой степи шум-гром о десяти-, даже пятнадцатиметровой жатке? А десятки выступлений — просительных, резких, яростных — главного агронома целины Александра Ивановича Бараева? Академик битых десять лет волевал и воюет с явной дурью: машинища весом в восемь тонн бегает дол-

гими неделями ради стрекота ножа, а когда растреплет в лоскуты молотилку — перестраивается на подбор! Не-ет, тут не в знании, а в сознании, даже в осознании дело — осознании вины. В судьбе жатки? Не только. В продовольственной ситуации.

Слышал и «виноват» с оговорками. В частности, от земляка, серьезнейшего инженера Александра Тихоновича Коробейникова — он директор Кубанского института испытаний и по функции своей как бы крестный новых машин.

— Да, мы дали добро на «Ниву». Видно, поторопились. Но тогда пропускная способность ее была чуть не высшей в мире, и мы уступили в позициях надежности и условий труда. Напор был такой, что нам и не удержаться — смяли бы и сняли. Вылечить «Ниву» было нельзя. Нельзя было отмыть детей прежних — надо было рожать новых.

Почему, однако, смяли бы? Отчего бы непременно сняли? Ведь государственному контролеру иммунитет как-никак обеспечен? Ведь последующая надежность комбайна или чего другого проистекает из предыдущей надежности (честности, независимости) службы испытаний?

Она «Сельхозтехнике» принадлежит, служба испытаний! И КубНИИ-ИТиМ, и Коробейников, и самая дальняя МИС (машиноиспытательная станция) входят в систему продающего и ремонтирующего, а отнюдь не работающего на данной машине. Права и прерогативы Пахаря переданы одному из секторов сферы Кузнеца. И несмотря на личную порядочность, компетентность испытателей, несмотря на оснащенность их контрольной техникой настолько сильную, что и мышь отсталости не проберется, «достать» Коробейникова вполне легко, воздействовать на него очень даже способно. Это когда у потребителя есть из чего выбирать, тогда производитель (Кузнец) в чужой службе оценок не нуждается. Зачем? Ему самому выгодно выявить даже малые минусы, чтобы перед потребителем предстать защищенным. Есть Войтов — им завод и ограничится! А раз за массового Пахаря решает (оценивает) кто-то иной, то остается напирать, и «Нива» сдает экзамен и своевременно и успешно.

Вариант «виновных нет вообще, все в полной норме» интереса не представляет: блаженны нищие духом.

Иное дело — указательный палец и восклик:

— Вон кто виноват! И вон в чем!

Дело это небезопасное. Донос? А если докажем, что клевета? И сам-то ты кто таков, чтоб обличать? Что сам ты сделал, когда другие вкалывали? Или ты позицией обличителя и ограничиваешься?

Именно в таком уязвимом положении оказались многие институты ВАСХНИЛ, вступив в спор о «цыганских детях». Десять НИИ с пятью филиалами, 14 тысяч человек в их конструкторских бюро, опытных производствах и хозяйствах, а десятилетия тратятся вхолостую, больше половины выпускаемых Минсельхозмашем образцов уступает зарубежным

по надежности, металлоемкости, условиям труда, даже технологии сбора соломы до сих пор решить не могут... И как раз из этого лагеря — критические залпы против «Дона-1500» как базового комбайна, машины вместо «Нивы»! За один-единственный квартал одно-разъединое ростсельмашевское конструкторское бюро сделало новую машину, а двенадцать мудрецов — НИИ заняты сомнениями, опровержениями, обличениями.

«...предложение Минсельхозмаша о постановке на производство в «Ростсельмаше» нового комбайна «Дон-1500» с выпуском 75 тысяч комбайнов в год вместо модернизированной «Нивы» неоправданно и приведет к увеличению себестоимости зерна в 1,5—2 раза, к дополнительному расходу топлива.

Внедрение в сельское хозяйство комбайна «Дон-1500» может быть рационально только для южностепной (высокоурожайной) зоны. Применение такого комбайна в других зонах вызовет увеличение затрат на уборку, что составит убыток в 450—500 миллионов рублей».

Это вроде как итоги, а подступы к ним — они тоже заставляют задуматься! Пропускная способность — вовсе еще не производительность, как одна молотья не есть еще уборка: сейчас тормозят косовица, очистка и сушка зерна, реализация незерновой части урожая, т. е. соломы-половы... В стране в 1980 году свыше ста миллионов гектаров, или около 80 процентов общего посева зерновых, имели урожайность ниже двадцати центнеров с гектара. Средневзвешенный намолот на этом массиве — 12,2 центнера, и комбайн класса 5—6 килограммов, в секунду вполне с такой хлебной массой справится. За прошлые пятилетки урожайность увеличивалась не более чем на полтора центнера в среднем. Пусть прирост окажется даже вдвое выше — разве «Нива» не справится с намолотом в пределах 17, даже 20 центнеров? Почему же не сохранить, модернизовав, машину класса 5—6 килограммов, т. е. «Ниву»? Зачем скромному полю гигант в тринадцать тонн веса и в двадцать семь тысяч ценой?

Согласитесь: одним запрещением рассуждать эти аргументы не отобьешь — если даже выкладывает их научный люд без практической амуниции. Может, и не выдают годами на-гора ничего пригодного — разве уменьшит это степень правды там, где они правы? Разве не правы были критики харьковского тягача «Т-150» в части условий труда и сочтешь ли победой, что так и печатают этот трактор без кондиционера? Разве не правы были те, что требовали шлейфа «Кировцу» одновременно с началом отпуска этого трактора хозяйствам — ведь громадные миллионы уже потеряны и сейчас теряются от хронического недогруза самой мощной сельской машины.

И т. д., и т. п. Критический реализм заставляет с собою считаться, и крик «разговорчики!» тут — знак отсутствия контраргументов.

Но как ровен и мощен гул целой чертовой дюжины «Донов» в полях КубНИИТиМа! Второе лето испытаний. Молотят озимую. Я устроился на машине 0000013, кабина просторная, удобная, обзор просто замечательный, герметизация — я тебе дам. Правда, фреоновый кондиционер (пока японский) забился, нужны аппараты пылеустойчивые, но комбайнер Виктор Сазонов, испытатель от ГСКБ, в целом доволен:

— Хлеб-то сорный какой, пополам с суданкой. А ни разу не забилось нигде, не намотало, гудит с утра до ночи.

— Значит, можем!

Они еще будут щедро ломаться на кукурузе, на энтузиазм достанет холодных душ. Но я, ничего не смыслящий в параболах, в методике испытаний, чувствую кураж хлопцев-комбайнеров в белых кабинах, а тут-то обману быть не может. Форсить смешным? Извините. А Виктор Сазонов, грешный человек лет двадцати пяти от роду, явно форсит, щеголяет. У Советского Союза тринадцать новых машин, и на одной из них — Виктор!

«Осуществить в одиннадцатой пятилетке модернизацию и повысить надежность зерноуборочных комбайнов «Нива», «Колос», «Сибиряк»... Начать в 1986 году серийный выпуск зерноуборочных комбайнов с повышенной пропускной способностью». Так записано в Продовольственной программе, на этом конец спорам. Модернизация и надежность привычных «Нивы», «Колоса», «Сибиряка» названы — как задачи — прямо, а повышенную пропускную способность — ее время покажет.

А что ж, однако, сам автор: и вашим, и нашим? И «Дон» вроде — глаз не оторвать, и критики его правы? Какой-то новый вид принципиальности... Нечего финтить: выпускать 75 тысяч «Донов» взамен «Нивы», менять базовую модель или нет? Завели разговор — отвечайте!

А это, знаете ли, не авторова ума дело! Он достаточно великовозрастен и терт, чтобы не потешать честной народ пустыми словами. Зато он твердо и точно знает, почему веками смеются на хуторах близ Диканьки над условным цыганом. Не потому, что тому завести новую кучу детей легче, чем кому-либо другому, нет! Но дети «в шатрах изодранных» непременно станут грязными — бытие определяет внешний вид. Цыган смешон своим путем решения проблемы!

«Машина не может быть лучше придумавшего ее» — правило старое. Его нужно дополнить: «и сделавшего...». То, как работаете, не отмени, не объявить — «не считается». Машина вырастает из машины, и уж тем-то, как их делаи, они похожи одна на другую. Не стареют слова Маркса: «Степень искусности населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим результатом предшествующего труда»¹.

Хочешь иметь «Дон» — научись делать «Ниву».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 306.

III

«Всякий раз, когда осуществляется разделение в географическом, технологическом или административном отношении, система разрывается. И где бы ни произошел разрыв, мы можем обнаружить там такие вещи, как очереди, заторы, емкости, буферные запасы, обратные связи, триггеры, клапаны, регуляторы, аварийные бункера, груды документации, резервы, пустоты, простои, неисправности, замкнутые контуры, колебания, скопления людей, кипы перфокарт, измерительные приборы, негентропию, затраты капитала и ругань».

Ст. Бир, «Кибернетика в управлении производством».

— Все дело в том, что «Сельхозтехника» ремонтирует машину для передаточного акта, а нам на ней работать.

И. Ляшенко, тракторист, газета «Правда Украины».

— Александр Иванович, — спрашиваю начальника Новокубанской райсельхозтехники, — что станет с вами, если наш район провалится вдруг в тартарары?

— Весь?

— Колхозы и совхозы. Со всей техникой, конечно.

Думает.

— А край останется?

— Краснодарский край пускай останется.

— А Армавир? — почему-то уточняет он.

И город Армавир решено не трогать.

— Тогда особой беды не произойдет, — говорит Александр Иванович. — В ряде позиций даже легче станет. Ведь мы на каких китах стоим? Вал в рублях, то есть реализация. А тут мы в основном работаем не на район, а на край. Ремонтируем навозные транспортеры, кормораздатчики, пропашные трактора. Затем — прибыль. Тут район со своей мелочевкой — комбайнами, ботвоборщиками и прочим — нам скорее помеха. Ведь на ремонтах двигателей один убыток, как ни крутись, а «полтинник» (пятьдесят рублей) ущерба каждый движок тебе даст. Не будет района — уйдет и невыгодная номенклатура. А насчет Армавира... На миллион рублей я должен выдать продукции вообще несельской. Добить заказы, проявить себя коммерсантом. И хорошо, что Армавир под

боком: можно договориться с заводами, там вечно нехватка рук. Так что и по «прочим работам» мы без района будем румянее.

О какой вы прибыли, Александр Иванович? Разве можно требовать прибыли от больницы, клиники, санатория? Это ж только не наш доктор может ждать прибыли от чужих переломов — и то его полощут в сатирах с Мольера. Вам лечить машины — откуда ж взяться прибыли? Ведь чем больше ваши доходы, тем убыточней молоко и мясо в колхозе, верно?

— Ничего сказать не могу... Моя больница должна быть доходной.

— А если вашу «Сельхозтехнику» вдруг унесет нелегкая — удержатся колхозы на плаву?

— Запчасти как продаваться будут?

— Обычные магазины, вроде прежнего «Гутапа».

— Поставка новой техники?..

— Да напрямую, заказал — получил. Как я «жигуль» покупал: без наценок, но с гарантией.

Думает.

— Тогда они и не заметят, пропало ли что-нибудь, — приходит он наконец к выводу. — Ремонтная база своя, конкурентная нам давно есть в каждом хозяйстве. Мастерские теплые, с хорошим станочным парком, налажено восстановление деталей. Домашний ремонт обойдется дешево. А покупать без наценки — это ж двенадцать процентов выгоды.

— Спасибо, Александр Иванович. Теперь понятна абсолютная необходимость «Сельхозтехники» в цепи научно-технического прогресса.

— Нет, а третье? — длит интервью Александр Иванович. — Вы же и про третью сторону должны спросить, если у вас «Сельхозтехника» пропадет.

— Да и какая ж третья-то? Вы и колхоз, а третий, наверное, лишний?

— Нет, три министра, три и стороны — Минсельхозмаш забываете. А что будет с сельским машиностроением, если исчезнет «Сельхозтехника»? Сядет на мель. Не бочком, а плотно, всем корпусом. Вы вот все про «Ниву». А комбайн — частный случай, уровень его собранности еще сравнительно высокий. Семьдесят процентов машин поступают с заводов несобранными — более или менее в виде детского «конструктора». Вот тебе, дядя, вагон железок, поломай головку, покажи, какая ты умница. И без такого дяди, надежного, как заземление, Минсельмаш тотчас включит все сирены «SOS», рев пойдет на всю страну.

Разговор наш возможен потому, что с Александром Ивановичем Стояновым мы в приятелях не один пяток лет. Он долго работал в Новокубанске предриком и только этим летом брошен на самый узкий участок — ставить агросервис. Так что личной вины Александра Ивановича

в головоломках нету. Наоборот, взялся он засучив рукава, прогнал ленивых хабарников, набрал молодых инженеров (из села в агросервис уходят охотно), внедряет деловитость, индустриальный стиль. На том уборочном совещании ни единого упрека в адрес «Сельхозтехники» не было, на все дела-обычаи Стоянов еще смотрит с сельской точки зрения, и разные заклинания, слова — концентрация, специализация, интеграция и т. д. — силы над ним пока не имеют. Пока он настолько энергичен и тверд, что провел операцию «Плуг», сделавшую его известным, как дипломата. Поскольку она имеет прямое отношение к третьему, не заданному мною вопросу, ее придется хотя бы бегло очертить. Тем более что ее косвенным участником оказался приехавший на испытания «Дона» Ю. А. Песков — значит, за границы края секрет вышел.

Итак, прибыл Очень Ответственный Работник, подкованный практически и знающий в области механизации, можно сказать, все. Времени у него было немного, а выяснить он хотел главное. После майских (1982) постановлений руководители районных предприятий агросервиса должны получать премии с учетом прироста продукции и прибыли в обслуживаемых хозяйствах. Эта мера, правда, не коснется прямых исполнителей (слесаря, кладовщика и т. д.), но все же шаг к стыковке сделан. Как обстоят дела в натуре?

Александр Иванович вел гостя надраенной территорией неспешно — и жара все-таки, и сопровождающих кучка собралась немалая, не побежишь. К тому же то тó, то иное останавливало. Селяка румынская стоит без колес — что, почему? А разбой на железной дороге, нарвоят снять и вам же потом продать. Кто? Трудно сказать. Элементы! Вон и трактор Т-150 отделали как помещичью усадьбу; стекла выбиты, что можно снять — снято, полный погром. Министерство путей сообщения охотно платит за стекло пятерку, но кто такую машину купит?..

Дальше — больше, и наконец — цех досборки. Посреди двора, на широком асфальте, и стоял тот самый плуг, и возились вокруг него сборщики. (Плуг этот, ПТК-9,35, может быть, интересен как авангардистская скульптура. Этокое страдание, корчи материи, нежелание покоряться гармонии, бунт против рации — или черт там еще знает что, наматывают вокруг таких опусов всякое. Но авангардист пролетел бы на металле, тут что ни поковка, то Собакевич.)

Слесарь Бреславский дядя Гриша вообще сказануть умеет, а тут их плужок не на шутку вымучил — он и выдал Очень Ответственному Работнику на всю катушку. Мол, извините, конечно, я должности вашей не знаю, но только все наше колупанье — мартышкин труд. Впятером уже две смены бьемся, а за сборку начислят шестнадцать рублей, получишь восемьдесят копеек и день при пятом разряде — красота? А плуг никогда работать не будет. Отрегулировать его вообще невозможно. Он от роду горбатый, и ноги носками назад — какой же с него работник? Посмотрите, предплужники стоят поперек хода — можно ровной пахо-

ты достичь? Глядите, какой болт: заваренная на резьбе коронная гайка! Это ж додуматься надо. Стержень не входит в обойму. Скоба не приварена, а закрашена. Подшипник роликовый смазки не видел, зато краски навидался — весь облит... Нет, вы уж подтвердите, товарищ представитель, что такую каракатицу и даром никто не возьмет.

Гость молча гонял на скулах желваки, слесаря не обрывал, а тот и рад был. Дескать, говорили Александру Ивановичу — на кой их, одесские плуги, собирать, отправить бы россыпью обратно, а Александр Иванович — какой, мол, толк, все равно они деньги с нас сняли, как только загрузили в вагон, так и грóши со счета, а продашь ты колхозу, нет — твое дело. И почему вообще заведены эти цеха досборки? Чтоб мы чужие грехи прикрывали? Говорят, вагонов не хватает. А когда из-за границы везут, немецкие машины или чехословацкие, хватает? Вроде и дальше, а целеньким ведь приходит, если по дороге не раскулачат. И зачем вообще этот девятикорпусный плуг стали делать — одна радость, что больше металла идет, а восьмикорпусный навесной, прежний плужок люди до сих пор жалеют и берегут, с новым уродом нигде и не развернешься...

Гость был человек сдержанный и себя соблюл. Только продиктовал Александру Ивановичу:

— «Одесса, завод «Октябрьская революция», директору Жилко. Немедленно прибыть Новокубанск». Подпись моя. Пометьте — срочной. А сами позаботьтесь о прокуроре. Надо оформлять дело о вредительстве.

Песков потом только головой мотал: «Н-ну, мастера, разыграли! Как по нотам». А Стоянов уверял, что ничего и не готовили, само сложилось.

Жилко Александр Сергеевич, одесский директор, прибыл безотлагательно, но вызвавшего уже не застал. Прокурора тоже не было, и дискуссии вели без него, но все время напоминая, что перед отъездом гость настаивал на уголовном деле. Плуги вылечить нельзя, это директор признал с ходу, но вредительство отметал, а предложил такой мотив:

— Происки.

Чьи именно и какие такие происки, одессит не уточнял, но глазами поводил и голос понижал так, что оно должно было стать ясно без подробностей. И сразу же завел речь о`замене — вместо этих плугов прислать еще партию.

Александр Иванович эту блесну отвел смеясь. «Возьмите у них этот брак и дайте им новый», — говорил в старом фильме «Волга-Волга» бюрократ товарищ Бывалов. Методически, как бы оплошно, напоминая директору о прокуроре, новокубанцы, однако, проявили должное гостеприимство, даже хлебосольство, и в иные минуты раскованный одессит

мог даже забыть о своем положении. Но дело есть дело, и надо решать — как вот только?

Директор на том заводе, Александр Сергеевич, сравнительно новый — и человек еще молодой. Чему хорошему научит его содержание в строгом режиме? С другой стороны — у района такие нехватки. Ни слова о плугах ПТК-9,35, пропади они пропадом, все равно пользы от них, как с козла молока! Но — у завода профилированный металл имеется? Уголок, круглый профиль и вообще дефицитное железо? Вот и товарищи подъехали, нет, это не юристы, это все пока хозяйственники, они хотят изложить свои просьбы.

Одесский директор признал, что предприятие у него металлоемкое, уходит по тысяче тонн чугуна и стали в день. Помочь добрым людям — его долг, и он его исполнил. Даже охотно, не упираясь. Не сказать, что ободрали его как белку, но что смогли за тот плужок выкрутить — выкрутили до капли. И оставили собранный слесарями плуг стоять на широком асфальте — не заложником, конечно, а все-таки...

Что ж, пусть единичное, в чем-то комичное, а — проявление принципа гарантии. «Покупатель — всегда король!» — по-русски заявил президент одной японской компании Като-сан на творческом вечере по книге Н. Н. Смелякова «Деловая Америка» в Центральном доме литераторов. По-королевски и поступили!

Но вот промысловую ипостась Александра Ивановича мне понять не по силам. Этот миллион рублей в нем о м е н к л а т у р ы — на чем его делают? Солонки гонят, корыта железные, потом — какие-то призмы для весов. Есть завод тяжелых весов в Армавире, он и выручает заказами. Значит, промысловая практика? Да. И Новокубанское отделение ничем не отличается от «сельхозтехник» Ферганы, целины и Карелии: от сорока до шестидесяти процентов дохода им планируется, промфинпланом предприсывается получать не от прямого своего дела, а побочно, от шабашек.

Уже один этот факт — промысловая опухоль у строго специализированной системы — должен был предписать организму «Сельхозтехники» срочную диагностику и полную диспансеризацию с анализами по всему списку. Тревога! Опасность! Откуда возможность делать призмы, корыта, вязать сетки и получать миллиардную валовку у сельского технического придатка? Откуда избытки рабочей силы, какие нужно расставить куда угодно — ведь у села людской дефицит острейший, «шефством» вон сколько народищу у городов берут? Сапожная мастерская — и та носков не штопает, сорочек не стирает, строгая специализация на каблуках и подметках. Если мало заказов, одну из двух мастерских просто прикроют, но не станут терять присущего сапожникам профиля.

Что же, назовем своим именем: это подсобный промысел! Сам автор, кажется, давно за него, еще лет пятнадцать назад начал витийство-

вать за сезонные цеха и мастерские, способные аккумулировать временные избытки трудовых ресурсов?

Автор витийствовал за колхозные и совхозные промыслы, получая за то не одни пироги да пышки. Агитировал за аккумуляцию зимнего сельского дня в товаре — чтоб и народу дать заработок, и полю — добавочный капитал. Замысловат сюжет колхозного промысла, сколько ярких биографий он оборвал! На Старом Арбате идет судебное дело, разыгранное опытными мастерами. Академическим Вахтанговским театром разыгранное — пьеса А. Абдулина «Тринадцатый председатель» в основе имеет судьбу председателя колхоза из подмосковной Балашихи Ивана Андреевича Снимщикова. Редкий в искусстве случай, когда один из сидящих в партере (а Ивану Андреевичу устраивали билет) может с полной точностью сказать, какой приговор вынесут главному герою и сколько придется ему платить по исполнительному листу.

Между колхозным промыслом и «прочими работами» Госкомсельхозтехники разница полярная. Первый — здоровые мышцы, во втором случае — опасная опухоль. Первый — натурален, ибо снимает пики-провалы трудового напряжения в регионах, где полгода, увы, поля под снегом. Вторые обнаруживают и выдают, что у сельского хозяйства взято больше ремонтников, чем их можно занять, что здоровая двойственность сельского механизатора (летом он пахарь, зимою — ремонтник) расколота, и армия чуть ли не в полтора миллиона человек (по многолюдности наш агросервис в несколько крат превосходит аналогичную службу Штатов) путем призм, корыт, сеток выносит питательные элементы из сельской экономической почвы.

Однако же, повторим, и согласие собирать машины за сельскохозяйственное машиностроение, и узаконенная, стимулируемая жизнь с шабашки — только наружные проявления аномалий агросервиса.

О глубинных, внутренних писать грешно: поздно! Плагиатом чрева: нового не откроешь, что бы ни сказал — уже писано.

За двадцать лет только «Правда» напечатала около двухсот статей и писем по проблемам, рожденным «Сельхозтехникой», — пухлая история болезни, тут и рентгенограммы экономистов, и кардиограммы инженеров, и диагнозы хлеборобов класса А. В. Гиталова (его речь на XXV съезде партии). Один наблюдательный инженер-экономист С. Л. Авербух из Киева собрал эти вырезки и составил обзор типа «Белой книги»: захватывающее чтение! Если учесть, что за каждым выступлением «Правды» по хозяйственным вопросам обычно стоят десятки статей в областных, республиканских, ведомственных органах печати, то налицо тысячи и тысячи филиппик; вешняя река обличений.

В десятках статей — с самых разных ракурсов — освещен главный узел гигантской машины: соединение в одних руках торговли и ремонта. Сервис поставлен над хозяином, торговец получил монополию на запчасти, он заинтересован в вырубке — а он к тому ж и ремонтник. Ему

легко заставить чинить технику только у него, и бурно развивается починочная база. Идея «ремонтизации» всего железного, курс на охват капремонтом всего и вся неуклонно внедряется в жизнь. Таковы общие места выступлений обличительных — цитировать их можно без конца.

Гораздо меньше публикаций защитительных, оправдательных — они и в изданиях появляются скромных, и обычно лишены задора. Самоодобрение — вот их пафос. «Предприятия и организации системы Госкомсельхозтехники СССР вносят весомый вклад в развитие сельского хозяйства», — пишет зам. председателя ведомства В. Швидько («Экспресс-информация» № 7 за 1979 г., ЦНИИТЭИ «Госкомсельхозтехники»). За 17 лет, указывает он, основные фонды предприятий увеличились в 10,3 раза, численность работников — в 3,3 раза, общий объем работ и продукции для колхозов и совхозов вырос в 8 раз, объем товарооборота — в 4,3 раза. Восьмикратное увеличение ремонтов! Что лучше этой гордой цифры подтвердит, что обличители абсолютно правы? Но агросервису нужны ашуги, бояны вещи — и он выдвигает их из своей среды. «Ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин превращается в самостоятельную отрасль народного хозяйства, масштабы и значение которой по меньшей мере равны масштабам и значению производства новых тракторов и сельскохозяйственных машин», — это из дуэта В. Кривобок и В. Лосева в «Трудах ГОСНИТИ», том 12, 1967 год. Те же «Труды ГОСНИТИ» через пять лет предлагают создать особое ведомство (министерство) ремонта, которое объединило бы все ремонтные службы...

А ведь и тут плагиат! У Гоголя. Вспомним: Чичиков подъезжает к деревне полковника Кошкарёва, и первое, что бросается ему в глаза, — это вывеска: «Депо земледельческих орудий!» Полковник-реформатор, как выясним мы потом, вычленил в особые подразделения: 1) главную счетную экспедицию (т. е. статистическую службу), 2) комиссию построения, в которой отмечается, состоять выгодно, 3) комитет сельских дел, 4) комиссию всяких прошений и т. д. Но на первом плане сатирической картины — депо земледельческих орудий! Взбешенный Павел Иванович Чичиков, уезжая от Кошкарёва не солоно хлебавши, честит его ослом, дураком и скотиной, однако же резонер-хозяин, «загребистая лапа», оценивает усилия соседа-полковника серьезней: «Кошкарёв — утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней глупости умных людей. Завели конторы и присутствия, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссию, и черт их знает что такое. Точно как будто бы у них государство какое!»

Тысяча сто пунктов обслуживания тракторов. Четыре тысячи двести ремонтных мастерских. Триста заводов! Тысяча двести станций обслуживания автомобилей. Четырнадцать крупных научно-исследователь-

ских институтов, не считая сети испытательных станций и десятков КБ. Полтора миллиона специалистов десятков профилей. Вот что такое сейчас «Госкомсельхозтехника»! Саморазвивающаяся система, она ежегодно вкладывает в упорчение своей базы многие сотни миллионов рублей — это при том, что в колхозах и совхозах параллельно и независимо действуют 46 тысяч ремонтных мастерских.

Автор той «Белой книги» С. Л. Авербух сам прошел все ступеньки агросервисной лестницы, долго работал в глубинке, знает приемы, повадки, обычаи людей «Сельхозтехники» не хуже, чем князь Андрей Михайлович Курбский знал окружение Иоанна IV, и суммирует ситуацию так:

— В последние годы в стране создана беспрецедентная по своим размерам индустрия по ремонту и обслуживанию техники. На 3.023 тысячи механизаторов, которые работают на тракторах и комбайнах — пахут, сеют и убирают хлеб,— приходится полтора миллиона специалистов «Госкомсельхозтехники» и столько же в совхозах и колхозах, обслуживающих эту технику и делящих с трактористами выработку (ведь новая стоимость создается только в поле). Общая мощность мастерских и заводов «Госкомсельхозтехники» равна трем миллионам условных ремонтов. Один условный ремонт оценивается в 300 нормо-часов. Изготовление нового трактора ДТ-75 требует 600 нормо-часов. Каждые два условных ремонта — это один новый трактор. А все вместе — полтора миллиона тракторов. Столько примерно выпускают тракторов в год все заводы мира, вместе взятые!

Ничего себе де по, не правда ли?

Создав себя, оно простаивать не может и не будет. Объемы возьмет с бою. «Восстановленный трактор стоит почти столько же, сколько новый, а работает меньше и хуже». («Правда», 5 января 1967 г.). «Сорок — сорок пять процентов всего металлопроката тратится в тракторостроении на изготовление запасных частей, стоимость которых составляет 1900 руб., на каждый выпущенный трактор» («Правда», 12 июня 1969 г.). «Ресурс капитально отремонтированных тракторов и комбайнов не превышает 35 процентов от ресурса новых машин» («Правда», 28 февраля 1974 г.). «При увеличении ресурса новых механизмов окупаемость капиталовложений в 4—5 раз выше, чем при повышении ресурса тех же агрегатов в процессе капитального ремонта» («Правда», 3 декабря 1979 г.). А вот уже и совсем наши дни: «Только на первый взгляд кажется, будто пытаться с помощью многочисленных ремонтов удлинить жизнь наших железных помощников — дело выгодное. Это иллюзия...» («Правда», 3 марта 1980 г.).

Не иллюзия — вот что. Только стоящий вне номенклатуры сельских дел и понятий может верить, будто крестьянину важно и нужно спасать урожай, лечить скот, чинить машину. Суеверие, власть тьмы! Конь лечёный — как табак мочёный, а трактор чинёный — их обо-

их хуже. Удача и радость сельской работы даются не тем, что как-то одолели бурую ржавчину или исцелили от ящура скот, а тем, что растение от всходов до молотьбы шпарит зеленой улицей, оно иммунно, что бычок прёт к своей полутонне веса без болезней, отвесов и переломов, потому что здоров воистину как бык, что машина верой и правдой отслужит свой век, и проводят ее во Вторчермет с печалью, как часть бригадной жизни, как понятливого, надежного слугу, которому — увы — пришло время.

Пришло время говорить о сущем, действительном — в прошедшем времени. Именно в «Правде» (двести обвинительных выступлений!) читаешь подписанное работником Госплана:

«Функции хозяйственного руководства комплексом дробились... Выявилась организационная неупорядоченность: в каждом районе было создано по несколько специализированных подразделений, выполняющих однотипные работы... Из-за обременительных условий хозяйства нередко отказывались, например, от услуг «Сельхозтехники», развивали свою ремонтную базу. В то же время специализированные организации значительную часть работ выполняли для других отраслей народного хозяйства. Предприятия же и организации, обслуживающие сельское хозяйство, не считали себя ответственными за урожай. Они выполняли и перевыполняли планы и получали высокие прибыли даже тогда, когда в колхозах и совхозах снижались урожаи, сокращалось производство мяса, молока и других продуктов».

Помилуйте, да это же август 1982 года! Механизатор по-прежнему мается из-за аккумулятора, а главный инженер Прочноокопской мотается из-за железок по окружности радиусом в двести верст! Ничего ведь еще не изменилось! Откуда же это «за упокой» при явном пока «здравии»?

«То, что обо всех перечисленных выше недостатках мы говорим в прошедшем времени, отнюдь не означает, что они уже преодолены», — признает тот же автор из Госплана, и путаница во временах (утверждать было при том, что оно *есть*) легко родит иронию и ехидство.

И все-таки — было!

Минский моторостроительный завод требует системы фирменного ремонта для своих двигателей. Сам слышал от директора и главного инженера, водивших по цехам:

— Мы в свою продукцию верим и готовы отвечать перед потребителем сами, без посредников и нахлебников! Но «Сельхозтехника» не отдаст нам ответ за двигатели: у нее останятся ремонтные заводы.

Диковинно и сладостно слышать.

Чтоб ставить глаголы в перфекте, надо хоть в самых общих чертах видеть победу. Фильм «В шесть часов вечера после войны» можно было

снимать только после Курской дуги: она ввела в обычай салюты и показала, какой будет вечер Москвы-победительницы.

Тут ни прибавить, ни убавить: было! Была пора — производительные силы оказались предметом наживы, хлебную машину обложили ремонтным налогом, сказались охота сделать лечёным каждый трактор-комбайн, а это сильно сказалось на урожаях и на человеке земли. Нужда заставила осознать, вникнуть — и перед хлеборобом открыла фольклорные три дороги. Первая — чини сам! Выгодно — покупай железки, старайся старинным мужицким образом. Вторая — найми кузнеца, мастера, он за сходную цену скуют, отладит, починит, он не благодетель и не нахлебник — сотрудник и соучастник. Третья — не чинить вовсе, не лечить совсем, а вкладывать деньги и труд в такие машины, какие весь рассчитанный век, от звонка до звонка, проводят в безотказной работе. Дорого? Да ведь мило и выгодно! Мозгуй, выбирай среди трех дорог, на то ты и хозяин.

Ноябрь 1982 г.

КОМБАЙН ПРОСИТ И КОЛОТИТ...

I

Два слова о пенделе, от которого я летел 12 километров.

...Церемония имела место летом 1984 года в богатых полях Новокубанского района Краснодарского края, где будущие корабли степей зарабатывают путевку в жизнь. День выдался как по заказу. Легкий ветер шевелил валки спелого гороха. Я находился в кабине комбайна «Дон-1500» под номером 00004, спутником у комбайнера тов. Кислякова В. С. Как районный чемпион страды, Владимир Семенович был послан на испытания техники будущего, а меня райком партии направил к нему выяснить условия труда в новой кабине, отразить их в печати и по телевидению. Условия мне очень понравились, хотя сидеть пришлось на железном ящике для инструментов.

Приобвыкнув и оглядевшись, я стал выяснять у Кислякова, почему это его «Дон» в чужой сбруе. Ремни, электроника, кондиционер воздуха носили на себе неизгладимую печать «сделано не у нас». Как бы не вышло так, предостерегал я скорее самого себя, что новое семейство работает надёжность на заёмном, взятом «поносить», а к потребителю явится в несколько ином, домотканом обмундировании. Оно, говорят, и завода еще нет для ремней таких типоразмеров — вдруг да не выйдут сразу на мировой уровень на неведомой новостройке? Надо предостеречь руководство «Ростсельмаша»! Я чувствовал себя пионером у лопнувшего рельса и хотел принести свое маленькое открытие как дружест-

венный знак комбайностроению. Брань, дескать, бранью, а дело делом — вот у деловой прозы какие наблюдения.

За разговором мы с Кисляковым не сразу заметили, что на дальнем краю полосы готовится мероприятие. Скапливались легковые автомобили ГАЗ-24 «Волга», из них выходили разгоряченные ездой люди и выстраивались полуколосьем. Они разминали ноги и решали походя мелочь дел. Явно назревал сюрприз.

— Володя, Песков приехал! — подсказало мне сердце. — И Коробейников с ним.

— Нет, не Песков, — возразил испытатель. — У Пескова живота нет.

— Коробейников сзади, а в белом кепарике — Песков.

— И белого кепарика у Пескова Юрия Александровича нет, — упрямылся комбайнер, — по прошлому году знаю.

Пишущему надлежит уважать в себе пишущего — но непременно с оглядкой! Если же зашкалит, если он, допустим, вообразит, что его катание на ящике с инструментами родит у генерального директора гигантского предприятия (весь остальной мир выпускает комбайнов меньше, чем один ростовский «Сельмаш»!) желание все бросить и мчаться в квадрат юго-западнее пункта Армавир к комбайну № 00004, то налицо минимум переутомление. Время искать психиатра.

Однако же в центре дуги, прочной, как мужское объятие, стоял именно Ю. А. Песков! Тут же находились директор испытательного института КНИТИМ тов. Коробейников А. Т., ответственные работники районной «Сельхозтехники», другие официальные лица. При таком численном превосходстве срочный одиночный вылет кодексом южной части дозволен. Даже поощряется.

Генеральный директор широко шагнул для стыковки — и выдал... Выдал, одним словом! Автор комбайна он, Песков! И он запрещает подходить к этой машине! Разрешения у меня нет и не может быть... И добавил в неказённой доступной форме, что если еще когда-нибудь... безразлично где..., то тогда уже он...

Последовал пендель — и мой взлет.

Виновен — и получил самый минимум.

Виновен в социально опасной вере в магию! Вот внедрим-освоим такую-то машину, или насадку на нее, или даже метод пользования, групповой или, наоборот, одиночный — и расточатся врази, откроется небо в алмазах... Кто насаждал раздельную уборку осенью 1956 года в Верх-Чуманке Алтайского края как истину в конечной инстанции? Кто валил колосья на стерню, облыжно внушая, что «колос в валке — это хлеб в мешке»? Зерно прорастало, зелень переплетала солому, валок потом тянулся бесконечной ковровой дорожкой — в какой-то аграрный ад. Да осталось бы оно за горизонтом времен, являлось бы к тебе одному, как приходили лемовский героям на планете Солярис их тайные грехи, так нет ведь: и осенью восемьдесят третьего на том же Алтае видал те же самые адские коврики.

Какие испытания прошла готовность ликовать!

Ну, переделку прицепного комбайна в самоходный, чтоб ползал сам, как Емелина печка, забыли, списали на волонтаризм, но эксцентриковые мотовила, бункера-накопители, переворот валков, ипатовский метод да герметизация, сдвигание то ножей, то валков, то еще чего-то, и непременно со схемой в местной газете, с решением о повсеместном внедрении — все ж это поныне кипит и бушует... На вдумчивых ЭВМ считают потребность машин на конец века; Сибирь с Казахстаном, сорок миллионов га зернового засева, относят к графе «урожайность 11 центнеров». Чушь, надо бы — «намолот 11 центнеров», рождает земля гораздо больше! Еще в пятилетке 1905—1909 годов — мне приходилось про это печатать — сбор зерновых по Алтаю составил 10,2 центнера на круг. Неужто за 80 лет прибавлено только 80 килограммов, это в XX-то веке? «Галиматня», как говорит наш бригадир Андрей Ильич. Это все коврики, все вера в чудо! Страда стала временем, когда в поле почти узаконено остается 20 процентов зерна.

Винючен в сокрытии фактов национальной значимости. Знал, но не сообщил о крутом росте парка комбайнов и о синхронном, столь же крутом росте доли ввозимого зерна. Эти явления вступили в преступный сговор для покушения на казну с двух сторон, а я, зная, что выпуск комбайнов перевалил за сто тысяч штук в год, а длительность уборки почти прежняя, 24 дня, зная, что импорт зерна за время моей работы вырос в 15, а потом и больше раз, все объяснял то серией технических промашек, то заговором стихийных сил, сознательно не произнося слов «производственные отношения». Убедился, но не сообщал, что производственные отношения, материализованные в машинах уборки, настолько не отвечают требуемым производительным силам, насколько собственный сбор зерна не отвечает нужде в нем — и просит валюты на импорт. Абстрактное понятие «попустительство» метрически может быть выражено весом продовольственного ввоза, а графически — качеством, использованием и ремонтом уборочных машин. А если — в итоге расчленёнок, степных досборок, коррупции вокруг сальников — ремней и завскладовского алкоголизма — «все-таки вертится», то единственным гарантом тут — подгруженный планом, семейством и бригадным подрядом хуторянин в промасленном ватнике, мерцающем как доспех, и он представляет первое агропоколение, которое знает — машинка-то неважнецкая, и металл третий сорт, и сборка шалый-валяй, и штампы тяп-ляп, тут тебе не дедовы лобогрейки-молотилки, что проходили через поколения целыми, разве что на старости лет хлопали шитым ремнем. А сейчас выбирать не из чего, машина тебе назначена, и опасно близким к сельской жизни оказывается насмешливый лозунг ироничного академика Мигдала: «Дадим заказчику не то, что он хочет, а в чем он нуждается!» Говорится ли такое или мнится молча, но видна худая услуга

монопольности самой идее механизации, тем мечтательным ста тысячам тракторов, какие убедили бы мужика голосовать за коммунию.

Признаю вину в застарелом гегельянстве: раз действительно — стало быть, и разумно. И где авторитет, там приоритет. Вот был А. А. Ежевский главой Госкомсельхозтехники — и стоял как скала за модернизацию уже существующих комбайнов, за подъем ступенями, против штурма неведомых высот. А стал тот же А. А. Ежевский министром сельхозмашиностроения — и «поворот все вдруг», аргументы полетели кверху тормашками, вместо степенного подъема — рывок к «Дону-1500». (Конечно, точка зрения инженера — не у попа жена, ее менять можно, но только — как впечатляет здесь сама живость перемен! И как мобильность эта связана с переменной кресел!..). Если три министра (до Госагропрома действовала такая триада, Минсельхоз, Минсельмаш и Госкомсельхозтехника вкупе решали судьбу машин и вложений) вместо фактически нужных селу 470 тысяч работающих комбайнов запрашивали 1050 тысяч и успешно достигали просимого, то, значит, остается повторить за древним фанатиком: «Верую, ибо абсурдно».

А раз веруешь, то лети, не жалуйся.

Не жалуюсь, а... захожу на посадку. Вон внизу наша бригада: мастерская, кухня, автовесы. Андрей Ильич в холодке играет свой обеденный. Я сел — грамотно, на три точки — в бригадном огороде (лук, щавель, картошка), которым мы откликнулись на лозунг всеобщего самопрокорма. Отряхнулся, вышел...

— Что, пенделя дали? — не отрываясь от доски, спросил бригадир, видящий кадры насквозь. — Идите к Римме, пока борщ горячий, а чесночину я дам...

Для гласности у Андрея Ильича есть навес с голубыми перильцами. Сюда он выходит и сам — вовремя сказать нужное слово, оттенить нежелательность решения. Здесь вывешивает «молнии» и решает вопросы оплаты труда, громко ища истину, счетовод бригады Анна Дмитриевна. У навеса выкуривает последний «Памир» дня мой терпеливый учитель Виктор Васильевич Карачунов — это в тот тихий момент, когда комбайны согнаны под ночной надзор, а состав механизаторов принимает душ перед отправкой на восстановление сил в станицу Прочноокопскую, посещенную в свое время путешествовавшими Пушкиным и Лермонтовым.

С голубых перил я и сознался в происшедшем, допустив, что у вас, Юрий Александрович, был в резерве и другой способ дискуссий.

— Галиматня, — оборвал меня Андрей Ильич. Он у нас резковат, как гоголевский Иван Никифорович (видно, сказывается сходство внешностей), зато по складу ума — философ. Кинической, скорей всего, школы. — Когда в соревнованиях участник один, прессы не надо. Победителя мы с утра знаем, чего посторонним гуртоваться? Пенделя, чтоб не путались.

Ну, вы не загибайтесь, Андрей Ильич, как же это — один? Были ж и конкурсные испытания с западными машинами, и «Нивы» кругом ходят — сопоставляйте...

— Если б рядом шел «Ротор» таганрогский, а в другой загонке, скажем, «Доминатор» или синий «немец», а я бы мог сравнить и, какой понравится, купить — тогда вы нужны. Сфотографировать на киноплёнку, какой-то комбайн Прочный Окоп себе выбрал. А если оно так, как сегодня, то сократил Песков вас правильно. Толку все равно никакого.

Это его давний пункт, Андрея Ильича: словесные споры («а-ла-ла», называет он дискуссии). И мы, пишущие, встречаем к себе внимание только потому, что «бедному крестьянину некуда податься», ни пощупать, ни прицениться, все за него решат и фонды разделят. В реальности кругом монополия. Это как в Фергане... Продает узбек дыню, держит в руках. Подходит к нему председатель, по-тамошнему раис: «Что, дыню продаешь?» — «Да, выбирай, какая нравится». — «Так она ж у тебя одна, из чего выбирать?» — «Так и раис у нас тоже один, а мы тебя все выбираем да выбираем...»

— Вот когда агропром или кто заведет многополию, тогда и я на тот конкурс, наверно, поеду. И меня оттуда не попрут. Потому что я там нужный, а вы — нет.

Таков наш Андрей Ильич. Странно, аналогичный взгляд, но уже укорененный жизнью, я встретил среди социографов Венгрии. Не писарей дело — решать за работника! Такой знаток деревни, как Берто Булча, не знал — можете себе представить? — стоимости одного скотоместа на комплексах крупного рогатого скота! А в журнале «Форраш», глубинном, почвенном, кечкеметском, даже удивились речи о расходе кормовых единиц на один килограмм привеса. «Это знает «Свинопром», а не знает — всех заказчиков у него переманит «Агробёр», — объяснял свое неведение Даниэл, редактор «Форраша». Глядишь, и заставят задуматься над хваленной осведомленностью нашей очерковой прозы — от какой она радости? Какую пустоту заполняет? и что ее, собственно, вырастило? Специалист подобен флюсу, а флюс как-никак болезнь.

Вот вы все ворчите, Андрей Ильич, а «Дон», если расчеты подтвердятся, сократит четыреста тысяч механизаторов, он и уборочный парк сократит, он гораздо производительней «Нивы»...

— Сколько «Донов» будет Ростов выпускать?

Отвечаю, как у вас, Юрий Александрович, не раз читывал: 75 тысяч в год.

— А «Нивы» сколько теперь печатает?

Тоже семьдесят пять тысяч.

— Значит, сколько делали, столько и будут делать? Где ж тогда хваленый прирост производительности? Поле остается старым, выпуск ком-

байнов — тем же... Выходит, сами не верят в то, что сулят, — к смеху бригадного веча развел руками софист.

Ну, насчет числа «Донов» мне еще есть что возразить. «Ростсельмаш» поначалу может выпускать и 75 тысяч, пока не скопится оптимальный парк. К тому же срок уборки сейчас такой протяженный, что потери на поле от осыпания, прорастания в колосе, «угорания» клейковины очень велики и вполне сопоставимы с объемами наших зарубежных закупок зерна. Но потом, в туманном пока будущем, придется сокращать «сплошную комбайнизацию» и удерживать выпуск только на поддерживающем уровне, иначе никакой бюджет не выдержит. На этот счет есть общитанная учеными стратегия; есть Система машин (которая так с прописной и пишется, чтоб уважение было). В больших делах не повольничаешь!

Философ из Прочноокопской прав, однако, в самом подходе: чтоб хлебный вал и производительность труда в земледелии устойчиво росли, число главных уборочных машин должно... сокращаться. Парадокс? Никак нет. Это обязаны быть машины такого прироста мощности и надежности, какой бы опережал рост урожайности.

У Соединенных Штатов Америки уже был тот миллион комбайнов, к которому звали нас не так давно три министерства. Был — и сплыл! В 1961 году довольно скромный их урожай в 176 миллионов тонн (зерно кормовое, продовольственное плюс соя) убирался армадой в 980 тысяч комбайнов. Выработка за сезон, легко подсчитать, составляла около 180 тонн зерна на машину. У нас тогда, в 1961-м, при 598 тысячах комбайнов и 130 миллионах тонн валовки, сезонный намолот превышал американский: он находился у 215 тонн. Спустя четверть века уборочный парк Штатов сократился приблизительно на одну треть и держится у 600 тысяч единиц, тогда как валовой сбор (кормовое, пищевое зерно плюс бобы сои) достиг 394 миллионов тонн. Выработка на агрегат превысила 650 тонн в осень. Это значит, что техника соответствует, будем объективны, запросам рынка и требованиям надежности. У нас за минувшую четверть века выработка за сезон на одну машину практически сохранилась прежней: около 240 тонн намолота, если принимать за истину валовой сбор, названный журналом «Наш современник» (№ 7 за 1985 г.), то есть 200 миллионов тонн. (ЦСУ в последние пять лет публиковать данные о зерне перестало.) Но парк комбайнов круто вырос, достиг 822 тысяч — в смысле амортизации, расхода горючего, металла, объемов труда это, разумеется, рекордно неэффективный путь. Такова плата за ненадежность. Добавим, что американская сезонная мерка (около 650 тонн) вовсе не что-то рекордное: наш стандартный «Колос» в руках испытателей показывает и 900, и 1000 тонн за осень, а «Нива» — в условиях порядка, повторим, — наработывает пятьсот и выше.

Но с чего это мы вдруг сошли на параллели с заокеанским хозяйством? А с того самого, что наш Андрей Ильич соревнуется с Соединенными Штатами Америки.

Серьезно. Там могут не знать о существовании такой хозяйственной автономии — бригады № 1 колхоза имени Кирова Новокубанского района. По территории одна сторона (бригадная) явно уступает второй, как и в производительности труда. Кроме того, гидротермический коэффициент на Ставропольском плато, то есть осадки, их распределение, сумма температур и пр., а также всегдашняя опасность эрозии («Армавирский коридор!») ставят Андрея Ильича в проигрышные условия в сравнении с Миссури, Огайо, Иллинойсом, вообще Средним Западом, где и формируется продовольственное могущество «Юнайтед Стейтс». Это однако не остановило нашего философа, и с приобретением хозяйственной самостоятельности (с переходом на полный хозрасчет и чековые внутренние деньги) он выбрал себе далекого, но серьезного соперника. Сложилось так отнюдь не потому, что Андрей Ильич, давний кубанский работник, прежде противостоял то Айове, то Шампани (чего только не провозглашалось за время нашего с ним знакомства!), а как раз напротив — вопреки разудалой бывальщине. Просто я, корпия над книжкой «Работающий американец», стал снабжать нашего хозяина кое-какой статистикой, отбирая, естественно, только сопоставимые натуральные показатели, и постепенно всякий бригадный итог стал рождать независимое и любознательное: ну, а как там у тех с этим вопросом?

После каждого дождя председатель Орехов считает долгом обещать поля соседней, чтобы лично определить число выпавших миллиметров и тем вписаться в обстановку. А Андрей Ильич вынужден верить бумажным данным, но функция та же самая: определить координаты. Ближний испытательный институт КНИТИМ в «дни новой техники» знакомил бригадиров и вообще механизаторскую элиту с элементами производительных сил США — с вишневыми «Интерами», зелеными «Джон Дирами» с бегущим оленем, потому что фамилия основателя фирмы и значит «олень», синими «Фордами», с машинами «Кейса», который тогда еще не поглотил «Интернэшнл харвестер»... А поскольку и мосфильмовскую игровую картину «Свой хлеб» с вопросом, почему это мы все возим да возим отсюда, наша киногоруппа целое лето снимала именно в этой бригаде, то известная международность представлений и оценок укоренилась и стала нормой.

У всякого свои сложности. У тех нет проблем с зернофуражом, элеваторы забиты прежними урожаями, зато задолженность фермеров сравнялась с внешним долгом Мексики и Бразилии вместе — 200 миллиардов долларов, не баран начихал! Бригада при наружном денежном благополучии все-таки задолжала... Натурально задолжала магазинам, скажем, ближнего Армавира такие объемы продовольствия, какие делаются очереди в «гастрономах» всем надоевшим неудобством местной жиз-

ни. Наши бригадные тоже стоят в тех армавирских очередях, и если государственный хлебный импорт Андрей Ильич не принимает в круг своих напряжений, то нахлебничество станицы у города его гнетет, выводит из себя.

Соревнование, о котором речь, лишено гласности и от этого, может, несколько односторонне, зато убавляет хуторской застенчивости, лечит от комплекса неполноценности, каким страдают иной раз ого-го какие вышестоящие люди, и дает бригаде, я говорил, собственные координаты на аграрном глобусе.

В натуральной отдаче гектара дела складываются так. По озимой пшенице: 40,1 центнера в бригаде и 26,7 центнера в среднем по США. Андрей Ильич всю пшеницу поставляет сильной — мировые стандарты освоены, и мотив, что американцы думают о клейковине, поэтому намолот, мол, никак не проходит. Ячмень — основная фуражная культура Прочного Окопа: 55,9 центнера у Андрея Ильича и 28,9 — у «дяди Сэма». В колосовых, как видим, прочноокопцы дают фору. Урожайностью кукурузы (72 центнера по стране) Штаты, увы, одолевают (бригадный сбор не выходит за 50 центнеров): сказываются гибридизация, фермерская оснащенность — и четкая специализация внутри «Кукурузного пояса», чего Андрей Ильич, повязанный диктуемой структурой, достичь не может. Сборами сахарной свеклы наша бригада, были годы, не уступала заокеанскому партнеру (там получают 450,6 центнера корней по стране), но теперь сверху припаяли такой план посевных площадей, что своих рук не хватает, приходится открывать границу, брать договорников из Армавира, а от приходящего известно какое старание. Недаром ведь и отдельные штаты, и вашингтонский конгресс принимали акты против практики «мокрых спин» — сезонных рабочих из Мексики.

Что-то похожее и в молоке. Разница, снаружи глядеть, большая: 3700 килограммов годового надоя у колхоза (что для засушливых степей считается прекрасным показателем) и 5 587 кило у США при одиннадцати миллионах молочных коров. Но — опять-таки — надой в Прочном Окопе сдерживается искусственно: расписанием, сколько держать коров и сколько чего сеять, поэтому в разгар лета молочные гурты давит бескормица, дают половину да старый силос...

Ну, это уже детали-подробности, а самый существенный факт состоит в том, что в крестьянствовании, т. е. уловлении способностей данного неба и данной земли, заведомого первенства нет, успех переменный. Даже сою, если на то пошло, наши освоили, хотя догнать Штаты в валовке (от 50 до 60 миллионов тонн в лето) надежд у бригады нет!

Сравнимость результатов и сопоставление условий, из которых необходимо эти результаты вытекают, придают взглядам Андрея Ильича независимость и прямоту.

Закончим толки у голубых перил.

— «Будьте хозяевами, будьте хозяевами»... Уговорили! Хозяин начинает с того, что прикидывает: дай-ка я сделаю не так, а вот так. Это «не так» связано у него с машинами. Даже не связано, а прямо-таки из машины вытекает. Если выбора нет, то нет и хозяина, какие бы хороводы ни крутили...

Это вы поняли, Андрей Ильич. А я ему возражаю, что выбирать реально им предстоит не из «или-или», а между «да» или «нет». Вот тоματοборочному, скажем, комбайну вы можете сказать «нет»: оставите его стоять на заводском дворе в городе Бельцах, потому что вас страшит система СУ — студенты, ученики. Нажали — выручат, до экономики, рентабельности и т. д. тут просто не дошло. А с зерновыми не пошалишь, и побежите вы за «Доном» как миленькие! Он и намолачивает в сезон — «Ростсельмаш» публиковал — до четырех с половиной тысяч тонн. И финансово вас побудят только к такому выбору. Госкомцен напечатал же в газете: «Дон-1500» — машина современная и дорогая, завод в Ростове будет получать за экземпляр 27 тысяч рублей, но колхозу отпускная цена составит только 11 тысяч. Шестнадцать тысяч дарового на каждом — побежите!

— Не-а, — покачал головой Андрей Ильич. — Может, если заставят, а сам — не-а. Как узнал, что «Дон» на пять с половиной тонн важче от «Нивы», про себя решил, что первым за такой цацкой не побегу. Тринадцать тонн четыреста кило с порожним бункером — это ж половина танка «тэ-тридцать четыре»!

(Андрей Ильич — ветеран войны и, когда уйдет на пенсию, напишет воспоминания.)

— Четыре с половиной тысячи — это, значит, они ему тысячу га огородили одному, так? И колотил он минимум месяц сроку, верно? А у нас девиз — «уборку в декадный срок!» — легко вылуцивал суть бригадир. — А за полцены сбывать — это, думаете, от хорошего?.. Госбанк не растягивается, здесь отпустили — в другом натянут. На шифере, допустим, или на бетоне. Колхоз сейчас тоже научился говорить: «Я не такой богатый человек, чтоб покупать дешевые вещи»... А вот груз — это да, проблема. С полным бункером да заправленный — это ж будет почти двадцать тонн! Земля пищит. Когда я забуду шестьдесят девятый год, тогда, может, побегу, а пока — не-а.

Жуткой зимой 1969-го здесь, на Ставропольском плато, я снимал с оператором подступы к атомной войне: сдутый до известкового хряща чернозем, занесенные лесополосы, фермы, станичные хаты... Андрей Ильич внедрил почвозащиту, поднял лесополосы, последние пятнадцать зим дьявол проснуться не может, частные победы над агрокомплексом США есть прямое следствие одоления эрозии, и бригадир вынужденно внимателен к давлению колес на почву. Агротехника просит, чтобы давление было не больше полутора килограммов, иначе гибнет вся биоло-

гия, умоляет: не больше 1,7 кило на квадратный сантиметр, а «Дон» даже на широких новых шинах обещает 2,6.

— А разве «Нива» давила меньше, разве тот ваш «Ротор» из воздуха? — зову я к реальности. — Вроде взрослые люди, а ищите какую-то страну Муравию, только в технике...

— Спросил бы меня кто-нибудь: «Слушай ты, такой-сякой-немазанный, ты сорок лет на одном месте — хочешь ты такую машину, на какую мы пока способны, за полцены?» А я б тем сказал: «Дорогуши, разве в цене дело? Я лично в «Уцененные товары» не хожу, мне комбайн не сам по себе нужен, пускай он и вообще даром дается. Мне его заподлицо вогнать нужно во все хозяйство, он мне ровный со всем остальным нужен, как зуб в исправной шестеренке»...

— Вот тут, Ильич, ты правильно, — вдруг вступил, докурив, мой прямой наставник Карачунов. — Машина мощная, кабина удобная, много разного со всего света взяли, это здорово. Ну а если он прогоняет с работы сегодняшнего механизатора? Отсталый, видите ли! Я в районе еще когда говорил: электроника нам не нужна. Люди к ней не подготовлены, ремонтировать негде. Гаражей нет — где я часовых наберу на каждый комбайн? «Нива» тем хороша, что весь дефицит один мужик унесет с нее за одну ходку... И кого я посажу на «Дон» — Орехова, Вербова?

(Орехов Юрий Александрович, инженер по диплому, — наш председатель, Вербов — главный инженер.)

Во-первых, Карачунову как члену бюро райкома партии не следовало бы выступать против электроники как нового этапа. Мы должны давать по рукам, — и крепко давать! — за антикомпьютерные настроения в общественном растениеводстве. У тех чуть не к каждому колесу реле ставят — от пробуксовки, комбайны набиты электронной техникой, глядишь — человека вообще убирать станут, а «Ростсельмаш» сам осторожен, с пониманием... Если «Дон» создается с известным упреждением, так локомотив и обязан опережать состав! Раз жили без гаражей, по-печенежски, так и наперед так жить?.. Мы с Андреем Ильичом просто обязаны были призвать Карачунова к порядку — слушали ведь люди разные, без четких берегов нашей дискуссии было никак нельзя.

— Я знаю одно, — вздохнул мой наставник. — Машина пускай дорожает, лишь бы дешевле выходил центнер хлеба. «Ниву» и «Колос» просто так вчерашним днем не объявишь — нам на них ехали до девяносто пятого года. Условия труда, надежность, конец потерям — вот и все, что нам надо! Чернышук Степан, Машкин, Зинченко вывели нас на сорок и пятьдесят центнеров без электроники, им электроники не надо — и нам других работников не надо. Да их и нет!

Охо-хо, тысячу раз прав писатель Энгельгардт: «Есть ли такой ум, который мог бы обнять всю сумму факторов, имеющих влияние в хозяйстве, и определить их истинное значение, все взвесить, вычис-

лить, рассчитать?» Поди узнай, где тут у наших настороженность, дутье на воду после ожога на молоке, что перемелется — и мука будет, а что, не ровен час, и жернов поломаст, и всю мельницу раскурочит... Впрямь ведь: «Дадим потребителю не то, что он хочет, а в чем нуждается!» Если бы так откровенно, простецки и писалось, а то ведь все — «унификация», «модернизация», а насчет монополии — многополии нашего Андрея Ильича — ни гуг-гу. Наоборот, все напористой закрепляется идея всезо-нальности «Дона-1500» в державе четырнадцати морей: «предназначен для уборки зерновых... во всех зерносеющих зонах страны», как пишет в рекламах «Ростсельмаш».

А как «бедному крестьянину» узнать и пощупать, чего же он, собственно, хочет? Способ некрасовский, — «столбовая дороженька», личное выяснение, кому на Руси что удалось, где и чем куют машинную Муравью.

В разгар жатвы 1985 года мы покатали в станицу Каневскую. Миссию НТР возглавлял Орехов — в сущности, райком партии послал его на разведку. А нам предстояло посвятить новинке очередной «Сельский час».

II

Мы увидели в действии вековые крестьянские правила: страда сведена к жатве, а молотьба выполняется не на пашне, а на току. Значит, ты только жнешь в зоне риска, в условиях естественных, а молотишь уже под крышей, в искусственных условиях, и волен растягивать этот этап как тебе нужно. Старина-то старина, но тут была в самом деле новая технология, придуманная и испытанная для себя колхозным строем: не мост новый или кабина, не новая ширина барабана — техно-логия во всем равнозубцовом ее кругу. Возвращались ветры на круги своя, но совсем на иной высоте.

Электрическая молотьба...

«Первое место в работе электромоторов занимает, конечно, электрическая молотьба...», — читали шестьдесят с гаком лет назад посетители Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР; в простом и всеобъемлющем «Спутнике по выставке» черным по белому было писано: «Электрическая молотьба важна для сельского населения... тем, что электромотор в отличие от других двигателей легко переносится с одного места работ на другое и, таким образом, может обслужить много крестьянских дворов. Также важно и в пожарном отношении — потому что электромотор совершенно безопасен... Но самое главное преимущество электрической молотьбы заключается в том, что она дает больше выхода зерна примерно на 12% по сравнению с ручной молотьбой и на 5% по сравнению с конной. Так что если все наши кре-

стьяне будут молотить электромоторами по всей России, то это даст увеличение зернового хлеба около 270 млн. пудов для России. Эта огромная экономия по ценам нынешнего года (1923.— Ю. Ч.) стоит 135 млн. руб. золотом».

Все в мире по несколько раз изменилось, электричество научили водить ледоколы, взбивать коктейли, безболно лечить зубы, стирать, творить непредсказуемое в компьютерах, а вот великую вечную работу человечества, молотьбу, как переложили после мускульной силы на двигатель внутреннего сгорания, так и с концом! Будто еще прадедам не была известна антитеза: конная молотилка — или электричество, локомотив — или электричество, древний цеп, «потатү — потаты», 22 тысячи ударов за десять часов сплошного пота — или электричество.

Председатель Каневского (имени Калинина) колхоза Анатолий Тихонович Кузовлев, тоже инженер-механик, «зижидатель храма сего», говорил с нашими просто, понималось все с полуслова. Вozить молотилку по пашне и требовать еще, чтоб не рассевала зерно, — вообще вариант обреченный. Завтра ли, послезавтра, а прекращать обмолот на бегу придется, такова тут гипотеза.

Комбайн идеален как машина для уборки зерна. Не урожай целиком, а заготовительной его сердцевины. Солому и полову он всегда бросал — за государственной ненадобностью — колхозу, а тот тратил на доуборку всегда больше, чем обходилась собственно молотьба. Комбайн незаменим как машина спешных хлебозаготовок, когда единственной зерновой емкостью всего колхоза остался железный короб на верхотуре — бункер, из него хлеб сразу мчат на элеватор. Но у земледельца, желающего добра себе, земле и внукам, есть чем и попрекнуть машину, перенятую нами когда-то у прерий и пампы.

Потери зерна — они порождение тряски и молотьбы на бегу, но как не видеть потерь от того, что комбайн простоял? Влажный хлеб вообще молотить нельзя, этого и впредь не смогут ни «Дон», ни «Енисей», ни какой-нибудь «Клас», «Матадор» или «Доминатор». А малы ли у нас территории, где нормой в недели страды является сырость, влажность, «временами дожди», а сухая масса — исключение? Далее. Солома, брошенная на полосе, не дает пахать, но в степях помогает почве сохнуть: затяжка обработки создает «чемоданы», глыбы земли, а разбиваешь их — помогаешь эрозии... А человеческий фактор — можно ли требовать от комбайнера работы по двадцать часов в сутки? Ночная работа не только родит потери — она и человека истязает.

По всему по этому колхоз, поддержанный районом и краевой красnodарской наукой, вступил в спор с целым ведомством сельскохозяйственного машиностроения. Он предложил механическую жатву и электрическую молотьбу. Передвижение только там, где без него нельзя, — и стационар на заключительном этапе. А когда у каневских стало получаться, когда параллельно и вполне независимо от «Ростсельмаша»

станция Каневская повела испытания двухфазной уборки, и среди профессиональных конструкторов нашлись сочувствующие. Таганрогский «Сельмаш», не боясь конкуренции, передал сюда «Ротор», сделал МПУ...

Чем здесь жнут? Этой самой МПУ, «машиной полевой универсальной», она происходит от «Колоса», молотилки лишена, но и избавлена от главного минуса всех комбайнов: работать только на уборке, а одиннадцать месяцев в году пребывать, как выражается Андрей Ильич, «на бюллетне». Машина генерального таганрогского конструктора Юрия Николаевича Ярмашева представляет собой самоходное шасси — может после страды работать на фермах, возить, даже землю копать. Полтора-два «лошадей» двигателя могут быть заняты круглый год. (Как подумаешь, что энергоблоки почти миллионного парка комбайнов — это минимум сто миллионов «л. с.», бюллетенящих одиннадцать месяцев в году, то уступаешь тоске и ярости: и впрямь, должно быть, тут тупиковый вариант!) Хлебной массой набивают 80-кубовые короба тележек — и после одного прохода на пашне не остается ничего. «Лишь паутины тонкий волос...» Почва не изрубцована, не укатана, стерня цела, потери определяются в тридцать кило — вместо пяти прежних центнеров. Уже в день жатвы можно пахать.

Как молотят? Уже говорено: электричеством. В две смены, без перегрузок. Под крышей, при свете. Здесь потери исключены вовсе: ворох можно подсушивать, асфальтная площадь не даст зерну уйти в землю. Пневмотранспорт разгоняет солому и половину по хранилищам, здесь же действует гранулятор, штампуют брикеты для ферм: безотходная технология.

Тут-то и увидели наши впервые полузапретный, но оттого еще более интересный «Ротор». Автор его Юрий Николаевич Ярмашев пробился к колхозным энтузиастам и первую машину сделал стационарной молотилкой. Мы со станичниками наблюдали, таким образом, первую машину «с аксиально-роторной молотилкой» — единственную из тридцати тысяч комбайнов СК-10-12, какие должны были быть произведены Таганрогским заводом в 1985 году согласно принятому решению.

Не может быть, чтобы кто-то здоровый и порядочный не изучил досконально и не описал в назидание будущей наглости, в урок мастерам силовых приемов историю южнорусского «Ротора» — историю сознательного задержания в колыбели новой машины, с которой мы могли бы претендовать на действительный приоритет! Четверть века связанный с цехом пишущих, лезущих куда их не просят, я не могу идеализировать его — но и поверить не могу, что акция с «Ротором» останется под спудом.

Роторные молотилки были предложены советскими инженерами еще в шестидесятых годах. Ротор — это наружный вращающийся цилиндр, он расположен вдоль хода комбайна (обычный барабан всегда

стоит поперек) и обеспечивает, кроме большой производительности на сухой массе, щадящий, деликатный режим колосу. Он не сечет зерно на крупу, как это, увы, способен делать «классический» барабан, и не размалывает его в мучную пыль, исчезающую в соломе бесследно. Станем грамотней — непременно заговорим о травмах зерну, об ударах и трещинах, которые уродуют посевной материал, приводят к невероятным завышениям норм высева, и роторная «вежливость» войдет в агрономический обиход.

Не только в шестидесятых — до конца семидесятых годов ротор в мировом комбайностроении реальностью еще не был. И когда в 1979 году большой синклит наших ученых, располагая ЭВМ «Минск-32», обчислял перспективный типаж комбайнов на 1981—1990 годы, среди четырех базовых моделей был выделен «большак» класса 10—12 килограммов массы в секунду, и Таганрогское ГСКБ, традиционно ориентированное на «тяжелые» (вспомним «Колос») машины, предложило на ту вакансию принципиальную новинку — ротор.

Пожалуйста, задержите свое внимание... Ни о какой сезонности не было речи в том стратегическом плане! Шаблоном все уже были сыты по горло, и в строгую Систему машин (пишется именно так, с заглавной) внесли четыре класса комбайнов, удовлетворяющих разным ступеням урожайности: от одиннадцати центнеров (увы, больше сорока миллионов га!) до двадцати и выше (около тридцати миллионов гектаров). Логично? Вполне. Даже приятно сознавать, как спокойно и расчетливо спланировали. «Большак», тогда еще без имени и плоти, был назначен обслужить острова высокой урожайности в море сдержанных, скажем так, намолотов — те острова, которые по не изученным пока законам шумихи служили особо страстным людям для искажения истинной картины: уж так всюду преуспели с буйной урожайностью, что вовсе нечем обмолотить!

Регионы, фактически заработавшие право требовать комбайны класса 10—12 кило, — это Северный Кавказ, юг и юго-запад Украины, Донбасс, Молдавия и Эстонская ССР. В общем парке страны таких комбайнов должно быть не больше 15 процентов. Классу в 8—9 килограммов (поля ЦЧО, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Латвии, Литвы, Азербайджана) надлежит достичь четверти комбайнового парка. А до шестидесяти процентов в общем составе должно принадлежать классу 5—6 кило в секунду, это производительность «Нивы» — если сделать ее надежной. Разумеется, и Омск может (островами или архипелагом хозяйств) потребовать класс комбайна «большака», а где-то и на Северном Кавказе вполне удовлетворятся классом 5—6 кило: решает, понятное дело, целесообразность, а не административная карта.

Но «сезональность» идет от лукавого и представляет собою технический блеф. Если, по Измаильскому, нельзя шить сапог, годный на любую ногу, и нельзя создать единую-неделимую агротехнику, то маши-

ну такую нельзя создать и подавно. Да и не нужно! Поэтому техническая характеристика «Дона-1500», печатно распространяемая «Ростсельмашем», где прямо провозглашается — «предназначен для уборки зерновых... во всех зерносеющих зонах страны», есть или мания грандиоза кого-то из сочиняющих бумажки, или (никак не хотелось бы верить!) замах на монополию, покушение на Систему машин.

Таганрогский СК-10 «Ротор» родился практически одновременно с «Доном-1500» и в представлении аграрного болельщика (а имя ему ныне — легион) открывал как бы новый вариант привычно конкурировавшей пары «Нива» — «Колос». Наш брат взялся знакомить с принципиально новой машиной широкий круг жаждущих перемен, и съемки для «Сельского часа» я делал еще на зимней молотье: автор машины Юрий Николаевич Ярмашев вел испытания в ангаре на запасенной с лета хлебной массе.

И вдруг — стоп! Визг тормозов. Таганрогское ГСКБ, лишив его автономности, передают в подсобники «Ростсельмашу». Ярмашева сажают на мост и жатку для «Дона». Своей машиной ему дозволено заниматься в часы досуга, как пионеру — планеризмом. С экранов ТВ «Ротор» исчезает, поминать о нем становится дурным тоном. Новой пары не составилось, «Дон» прошел всю дорогу испытаний (с усмешками и признанием умелости отмечают это специалисты КНИТИМа!) без единой встречи с опытными экземплярами «Ротора»! Затем разговор словно бы возродился, но уже на другой базе: сделать «Дон» в роторном исполнении. Унифицировать былую пару в одной приоритетной машине.

Материал будущему летописцу... ГСКБ Таганрога насчитывает более тысячи двухсот человек, за 35 лет работы здесь создано 56 конструкций машин, поставленных на производство, 4 авторских свидетельства запатентованы в США, Англии и Канаде, эффект от внедренных машин превысил 5 миллиардов рублей. Никого не пожелаем в подсобники, если дело коснется унификации!..

Утекло много воды. И когда несколько экземпляров таганрогской машины класса 10 кило все-таки поставили на государственные испытания, уже девятью крупными фирмами Запада был освоен выпуск роторных комбайнов и даны их товарные партии. Например, «Кейс-Интернэшнл» теперь предлагает потребителям четыре модели уборочных машин: «1620» — дизелем в 124 л. с., «1640» — дизель 150 «лошадей», «1660» — турбодизель в 180 л. с. и «1680» — турбодизель в 225 л. с., всюду стоит ротор длиной в 2,77 метра...

Постановка «Дона» на производство не восполнит нужды в «большаке»: промолот восьми килограммов в секунду, характеризующий ростовский комбайн, не снимает нужды в классе 10—12 кило. Потерю стальных сезонов, величину отрицательную, легиону агроболельщиков придется суммировать с Викторией «Ростсельмаша» — иначе списать не на что. И еще материал летописцу: если бы в войну Яковлева подчиняли

Ильюшину, Петляков бы работал на Лавочкина, а все унифицировано — на Туполева, не стали бы наши системы лучше немецких. Кроме всего прочего, тут человеческая сторона, естественное самоутверждение. Если даже мил насильно не будешь, то уж умен, даровит, дерзок — подавно. Когда Ю. Н. Ярмашеву предложили участвовать в постановке роторной молотилки на «Дон», он не проявил, мягко скажем, энтузиазма — и, грешный человек, я могу понять, почему...

Итак, на могучем току в Каневской мы, ходоки из Прочноокопской, наблюдали, как через колхозный, независимый, конкурентоспособный стационар ищет выхода в жизнь коллектив в тысяча двести умов. На борту роторной молотилки стояло странное для сельских пейзажей слово МАРС. Ярмашев, приехавший пояснить нам кое-какие детали, расшифровал сокращение — «молотилка аксиально-роторная, стационарная». Но что-то от научной фантастики во космодромном этом устройении все же оставалось. Предельное малолюдье... Сами разгружаются здоровенные кубы с немолоченой массой, колесник живо подает ее на линии — и пошло, молотилка проколотит, провеет зерно, пневматика разгонит отвейки по трубам — красота! Наверно, бородачи в первом совхозе «Гигант» с таким же недоверием разглядывали жнею-молотилку, как мы — этот прообраз...

Значит, можно и влажную массу косить, раз есть возможность подсушивать?

А уже и косят, и сушат! В Ейске работает стационар в семхозе люцерны: принудительная сушка зелени и потом обмолот, стали получать по пять центнеров семян — прежде и полутора не видели... А Сибирь, Казахстан испытывают накопление хлебной массы для обмолота ее зимой. Ведь исстари молотили в мороз и снега — вспомните: «Хаджи-Мурат», русская семья Авдеевых...

Хорошо, ток — постоянный, но ведь и он может «идти к Магомету»? Давний южный укатанный «гарман» никаких ведь особых вложений не требовал — площадка для молотилки да энергоблок? Ясное дело — может, отвечал хозяин Кузовлев, это у нас фундаментальный, базовый, а будут варианты и удешевленные... Ну, раз коснулись финансов — дает ли выгоду стационарная молотьба? Кроме, конечно, долговременных факторов — что земля не «пищит», почва не сохнет, палов нет и т. д.

Гектар уборки по сравнению с «нивской» технологией обходится на 27 рублей 43 копейки дешевле. На гектаре, считает Кузовлев, подняли умолот минимум на пять центнеров — за счет прежних потерь. А что уборка кончается не просто хлебовозкой, а уже кормовым брикетом, где с соломой спрессованы и люцерновая мука, и концентраты, — это крепко помогло животноводству...

Новизна простирается, однако лишь на пятьсот гектаров пашни. Двухфазный способ обкатывается в колхозе им. Калинина только в одной бригаде, остальное — комбайновая молотьба. Почему?

Радиус эффективности ограничен. Издали не подвезешь, и вообще такой ток — дело дорогое. «Материально дорогое», — уяснил себе Андрей Ильич, всегда подчеркивающий, что материальный интерес означает интерес к материалам: к шиферу, лесу, кровле, асфальту...

Другой колхоз станции Каневской, «Победа», устами знаменитого своего председателя В. Ф. Резникова отмел всякий налет чуда:

— Мы три года всем районом без металла сидели из-за этого стационара! А молотится даже у соседа Кузовлева сколько — одна восьмая урожая?.. Лично я жду «Донов». Отобрали комбайнеров, послали на курсы. Построены гаражи. Чем покупать по тридцатке «Нив» ежегодно, лучше выбить партию «Донов»...

Если бы наш Орехов мог, не ходя годами по острию ножа, не рискуя будущим двух своих крепеньких пацанов, купить тот стационар готовым к монтажу! Если бы прочный бюджет Прочноокопской тоже мог делить призы на финише, одним приказом банку признавая или отрицая чей-то рекорд! Нет, как раз в сопоставлении с действительно новой технологией разденет себя донага игра ценами, протекция — включение едва подошедшей к конвейеру машины в «уцененный товар».

Удивительно: тепличная пленка протекционизма натянута именно над теми машинами, которых страна производит больше всех в мире, вроде хозяйства и сами не заинтересованы коситься на импорт. «Магирусы», «Татры» среди «КамАЗов»? Обычное явление. Краны — японские, западногерманские. Дорожные машины — всех стран. Синие гэдээровские косилки с наклонной кабиной? Всюду и везде они живо упрочили кормодобывание. Сеялки, оборудование для ферм? Нет проблем... Но зарубежный комбайн — табу!

Когда на полях Белоруссии, Прибалтики появился гэдээровский комбайн Е-516, среди механизаторов пошли дуэли: простое не знает, тип-топ целую осень, потери аптекарские, люди по полторы тысячи тонн намолачивают — на сырых-то хлебах. Позвонил раз ночью Бедуля, знаменитый брестский председатель Владимир Леонтьевич Бедуля — «летающий мужик», по стихотворению Андрея Вознесенского, — и в характерной своей манере заявил:

— Цыган две зимы за одно лето отдавал. А я три «Нивы» отдам за один «пятьсот шестнадцатый»! Ап-парат!! Если вы в «Сельском часе» не покажете эту прекраснейшую машину, если не передадите наше острое желание покупать ее — не хочу и видеть вас в нашей Беловежской пуще.

Взялся я исполнять заказ хозяина-белоруса — в ответ: «Опять под коп под «Дон»? Даже сказать про Е-516 на телевидении тогда не дали: «Мы что, рекламбюро заграничной техники?»... Понимаю: выгодней продавать комбайны, чем покупать таковые. Но если дожились, что на международную выставку «Сельхозтехника-84» наша экспозиция, насчитывающая тринадцать разделов, даже краешком не могла показать комбайн, чтоб не конфузить страну на кругу, так, может, и не вредно освежать

кровь импортом? Почему Бедуле, Нечерноземной зоне вообще ждать у моря погоды, а не покупать давно серийную, по СЭВу спланированную, надежную машину социалистической фирмы «Форшрит», что означает «Прогресс»? И разве не обидна такая протекционная пленочная теплица самому крупному комбайновому заводу мира, ему ли бояться свежего ветра? Неужели одно узнавание людьми правды разорит его? И как я должен был отвечать председателю? «Помилуйте, Владимир Леонтьевич, мы тут поражены вашим выбором, Е-156 — машина старая, в производстве уже десять лет, и колеса тяжелые, и кабина старых стандартов, ведь удивим Москву лаптями»...

И от преда-белоруса получил бы хор-роший пендель!

...А поездка наша была благодетельна. Она восполняла недостающие звенья. Мои заречные консерваторы увидели беговую дорожку уборочного прогресса совсем иною. Считайся с этим арбитр или нет, а параллельно с «Доном», вроде как за бортиком, бежал-дышал живой «Ротор», а рядом действовал (не скажешь ведь — «бежал») колхозный, ни на что не похожий, в кузнечном еще исполнении двухфазный метод.

Мне очень хотелось бы подверстать здесь абзац-другой, как наши заложили свой молотильный стационар, а второй бригаде Орехов добыл «Дон-1200» и во что вылилась дискуссия у голубых перил. Но мне еще к своим возвращаться, сочинять не могу: «Донов» вообще в район не прислали, на стационар нет ни материала, ни подрядчика, и молотили мы в первую страду эпохи агропрома обыкновенными старыми «Нивами».

А сами дивились вот чему. Новая техника? Что тут хитрого, путь ясный, делай барабан шириной в полтора метра, куй под него новую железную телегу, ставь мощнее двигун... Но это одна ясность, арифметическая. Другая — ротор — пускай будет алгеброй. А как смело и здорово, что у кого-то хватило дерзости и непохожести на других — взять и воскресить дедовский ток, сделать его, может быть, острием технической смелости — उत्ворить какую-то высшую математику!..

У меня для объяснения ситуации была в запасе одна выписка из труда молодого гениального человека, но она длинновата и сложна для декламаций в бригадном кругу, и я тоже соврал бы, если б написал тут, будто провозгласил вслух такое:

«По геометрии выходит, конечно, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Но многовековой опыт действительной жизни доказывает неопровержимо, что люди в исторической практике не признают этой математической истины и умеют продвигаться вперед не иначе, как зигзагами, то есть кидаясь из одной крайности в другую. Нраву всего человечества препятствовать невозможно, и потому приходится махнуть рукою на неизбежные зигзаги и только радоваться тому, когда крайности начинают быстро и порывисто сме-

няться одна другою. Значит, пульс хорош, и человеческая мысль не порастает плесенью».

Написал так Дмитрий Иванович Писарев.

III

После нашей встречи — такой короткой, но насыщенной — под Армавиром я не рискую, Юрий Александрович, нарушить наложенный вами запрет — и прибегаю к письму...

Не подумайте, ради бога, будто храню хоть микрон обиды! Да если б за этим дело стало — дело подъема к двум тоннам зернового сбора в среднем по нашей стране и, следовательно, отвычки от конфузного хлебного импорта, — я бы ежедневно прибегал, скажем, к заводууправлению «Ростсельмаша» и подставлял в согласованное с вами время как правую ланиту, так и левую! И было бы здесь не тщеславие, не мазохизм, а хитрая корысть: столь малыми издержками вызвать такое облегчение! Брань на восток не виснет, но страх, что вся моя самостоятельная жизнь, уже после всех дипломов и целинного ученичества, пройдет под звездой оскорбляющих хлебных закупок, не позволяет и думать о каких-то амбициях.

У нас с Андреем Ильичом новости — и серьезные. Не то чтоб печальные или шибко радующие, просто — крупные биты информации по крайне беспокоящей нас графе. Пока мы — первая бригада прочноокопского колхоза — состязались с Соединенными Штатами умозрительно, их по пшенице обштопали натурально, и кто б вы думали? Западная Европа. Уже в восемьдесят четвертом она произвела пшеницы больше, чем все Штаты. Произошло это впервые после освоения американского Запада сто лет назад и достигнуто, как все мы понимаем, не распашкой первородных тучных прерий, а на тех же римских, галльских, кельтских пашнях, только новой селекцией, агрохимией и, конечно же, техникой. Среднеким комбайном Средний Запад с ног не собьешь, и говорить нечего...

Сказать, что нам так уж обидно за партнера, что слишком расстроили нас прогнозы, будто Европейское Экономическое Сообщество обставит Канаду по экспорту пшеницы уже в восьмидесятых, а «сделает» США и выйдет на первое место в мире в 90-х годах, было бы неправдой. Иное заботит. Уже тридцать держав — буквально на глазах — превратились из импортеров продовольствия в его экспортеров, и среди новых поставщиков не только богатые страны (пустынная Саудовская Аравия с притоком нефтедолларов), но и Индия, и Китай...

Самообеспечение, жизнь на своих харчах, возрождение хлебного экспорта — задача еще ныне работающего нашего поколения, и она спо-

собна, думается, соединить самые разные характеры и разные представления о гласности, собственном весе и пределах дозволенного.

Я делю, Юрий Александрович, общую радость от перемен в комбайностроении. «Ростсельмаш», по вашим словам, отказался от временных работников — это прекрасно. Отличная новость, что 170 тысяч комбайнов ваш завод взял на гарантийное обслуживание. Ничего, что тут только одна пятая парка, — лиха беда начало... «Нива» модернизирована и делается лучше. Уже эти свершения оправдывают бумагу и нервы, потраченные на оповещение читателя относительно дел в сельском машиностроении.

Момент ответственный: на конвейер становится «Дон». Если тут просто технический шажок («Нива» подновленная пропускает 6 кило в секунду, а «Дон-1200» — уже шесть с половиной), то незачем было тридцати министерствам и огород городить. Занято, «Нивой» уже занято место, не тратьте куме, силы! Надо, видно, не о вундеркинде хлопотать, а основать самонастраивающуюся техническую систему с внутренней генетикой обновления, чтобы не приходилось периодически всей громадой, на шумном майдане, доводя до пенделей, до телемонологов Жванецкого, в пожарном порядке ковать нечто столь же звучное, как и отнюдь не тихий даже в своих истоках «Дон». Без такой живородящей системы не достичь самообеспеченности зерном, факт. А систему надо отлаживать сразу, не откладывая на потом, ибо опыт учит, что это-ко-юридического «потом», спустя срок, не оказывается.

Только дойдет до расследования и взыска, ан

Иных уж нет, а те далече!

Машина, как все рукотворное, несет на себе отпечаток и пальцев, и натур, делавших ее. Уходя в большой мир, становясь частью производительных сил людей, она одновременно воздействует и на их производственные отношения. Даже в упрощенном виде. Сеет вежливость, взаимоуважение, такт — или зубовный скрежет сеет, ярость, учит силовым приемам... Обращение с нашим братом, повторяю, не в счет. Но силовые приемы, применяемые даже там, где никакого отпора ждать вроде неоткуда, обладают — по закону сохранения энергии — способностью накапливаться, суммироваться, и со временем, интеригированные, вдруг треснут с силой таранного бревна, не щадя среди виновных и безвиного. Впрочем, именно виноватый оказывается чаще всего «далече».

Я не только не боюсь ошибиться — хочу ошибиться в опасениях своих! Гораздо выгоднее, чтобы кто-то из пишущих, пусть даже весь их клан, оказался в лжепророках и предстал бы перед массой «какбычегоневышлестами», чем снова являть чудеса анатомической точности: «вскрытие показало, что»...

Я прошу вас, Юрий Александрович, помочь разобраться в вашей статье, ознаменовавшей пуск «Дона» на конвейер, — ясней, в интервью «Комсомольской правде» за 26 апреля 1986 года — «Дон» задаст тон».

Тон — оно, конечно, дело авторское, вкусовое, нужно о цифрах-фактах спрашивать, а не судить о том, на что, по пословице, товарища нет. Но именно тон показался здесь и настораживающим, и опасным... В следующую ночь после выхода вашей статьи произошло событие, окрасившее всю пору попустительства, хвастовства и разгильдяйства иным светом: расплачиваться за Чернобыль приходится всей стране. И не скрою — вашу публикацию перечитываю с элементами постчернобыльского мышления, насколько сумел и способен был его приобрести.

«По всем основным параметрам «Дон» своих конкурентов превзошел... Так что мы не только вышли на уровень мировых стандартов, но и превысили их». Ну, зачем так уж сразу, Юрий Александрович, — «превозмошел», «превысили»... Является ли основным параметром вес машины? Наверное — да, потому что тут все: и конструкция, и материал, и технология изготовления. «Эра бегемотов» осталась позади, и «превозмоги» теперь — значит сделать легче. Возьмем на проверку стародавнюю страну комбайностроения — те США, каким подкладывает сюрпризы агропром «Общего рынка». Из шести моделей, предлагаемых потребителю компаний «Джон Дир», аналогом «Дону» будет скорее всего машина «8820». Мощность его турбо-дизеля 225 л. с., объем бункера 7,82 кубометра, вес 10149 килограммов. У «Дона-1500» соответственно 162 л. с., 6 кубометров и 13370 килограммов весу. На 3221 кило тяжелее!

И бункер меньше! И габариты у «Дона» больше — по длине на три метра, по ширине — на два.

Может, иначе пока не выходило, не из чего было сделать, оно и в наше-то техническое задание (11500 кило) новый комбайн «не вместился», но зачем же городить небывальщину? Не подходит «Джон Дир» — берем аналог из шести моделей фирмы «Аллис Чалмерз». Комбайн L3, дизель 145 сил, бункер 6,9 кубов, вес 9421 килограмм — длина меньше на три с половиной метра, ширина — на три с лишним, даже по высоте на 60 сантиметров ниже... Да вообще веса в 13 тонн среди девятнадцати моделей комбайнов, поставляемых четырьмя основными компаниями, в помине нету, он оставлен давно позади! А о числе моделей (не модификаций, тех сотни!) приходится помнить в связи с не менее отчаянным вашим утверждением насчет «небывалого в мире случая»: «Нигде и никогда в комбайностроении не совмещались воедино, как у нас, стадии создания конструкции, технологии, проектирования и изготовления оборудования, испытания, реконструкции, строительства. Все это позволило нам создать принципиально новый комбайн в небывало короткий срок. И главное — не об одном комбайне речь. Это — 17 модификаций машины, а если и роторный теперь в семейство «Дон» войдет, то получится более 20 машин на поток одновременно — вообще небывалый в мире случай!»

Аж уши закладывает... Узел, конечно, затянулся тугой, но в нем скорее беда, чем доблесть. А как вспомнишь, что модели-то всего две,

с 1500 и 1200 миллиметрами ширины барабана, а только у четырех тех фирм — **девятнадцать** моделей, а зерновое-то поле Штатов единообразнее нашего и компактней, такого перепада, как между Карелией и Закавказьем там не найдешь, а насадок для тех ли, иных культур каждая компания предлагает (навязывает, да в кредит!) по полтора десятка на модель, что роторный «Дон» — не только не убитый, но толком и не выслеженный медведь, на испытаниях этого лета гнал зерно в половину, к ярости агрономов, так только и остается сказать:

— Грех. Проповедуем-то — молодым!

Конечно, юный читатель пятнадцатимиллионной «Комсомолки» склонен к энтузиазму: приятно и весело входить в мир везучих, могучих, всепобеждающих. Но, будучи молодым, он издревле отличается тем, что на второй раз уже не верит, нет! Недаром в очень-очень старом наставлении особо оговорена необходимость беречь доверчивость младших: кто, дескать, соблазнит единого из малых сил, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Так, метафора, мифотворчество... И прежде, конечно, корыстные лжесвидетельства часто сходили с рук.

Только говоря молодому человеку правду, какой бы она ни была, мы уверены в том, что «перетакивать» не придется. Сознующий разделяющую дистанцию будет тянуться, сжав зубы. Да, мировые стандарты — дело ныне нешуточное, да, техническая революция экзаменует предельно серьезно, прощать не умеет, даром не венчает, но у нас средства, таланты и опыт, нужно много и упрямо работать — удача придет... Вот тебя уверяют — «в сравнении с лучшими образцами зарубежных комбайнов намолот у «Дона» был в 2—3 раза выше», и ты начинаешь себя ощущать одним из персонажей перовских «Охотников на привале». Тем, что смеясь чешет в затылке. И уже не к мировой информации тянешься, а к домашней, доступной всем. Сами же пишете, Юрий Александрович, что «Нива» теперь молотит 6 кило в секунду. А паспортная характеристика «Дона-1200» называет производительность в 6,5 килограмма (хотя модель тяжелее старой на четыре тонны), у «Дона-1500» этот показатель — 8 кило. Понятно, что столь сдержанное превышение и обгон старушки «Нивы» делает не простым делом. И делает не очень-то ясным, зачем дорогой и тяжкий «Дон-1200», если уже есть привычная испытанная «Нива». Чтобы намолот был в самом деле в 2—3 раза больше, надо пропускать 12—18 кило в секунду! Фантазия? Значит, те «лучшие образцы» должны были отставать в намолоте от ушедшего с мировых рынков СК-5... Прямо по песенке: «Или ты не так играешь, или я не так пою».

Усваивать у западных фирм можно много разного, только не тягу к рекламной шумихе. Тем более что — об этой малости мы, кажется, забыли — и сбывать пока нечего, товар не наработан, реализуется не воплощенный в железо успех.

А из реальностей огорчает в вашей беседе, Юрий Александрович, одно туманное место:

«Первые партии комбайнов распределяются пока по регионам, сосредоточенным вокруг Ростова. Их обслуживание обеспечивает «Ростсельмаш». Как будет дальше, сказать пока трудно».

Сказать трудно два слова — «фирменное обслуживание». ВАЗ давно сказал — и победил тем старый «Москвич», довел АЗЛК до затоваривания, вынудил экстренно обновляться. КамАЗ тоже признал мировой технический закон — «кто делает машину, тот и обеспечивает ее работу». Мы уже имели с вами, Юрий Александрович, диспут насчет «кукушкиных детей» (термин Н. Н. Смелякова). Извините, но я и поныне убежден, что как раз практика отрыва машины от завода (забросить яйцо в гнездо, а там уж дело птички-невелички) — лишь временное и местное отклонение от общего закона, этот сбой различим в своем начале и понятен в своем конце, виден и в экономической вакханалии с запчастями, и в круговой поруке безответственности. Вы же сами недавно так выразительно писали в «Правде» о потоке брака, какой может хлынуть в новый комбайн: «В нынешнюю уборку выходили из строя некоторые комплектующие изделия из-за низкого качества резинотехнических изделий, стальных сварных труб, подводили гидроагрегаты, их соединения подтекали. По-прежнему вызывали нарекания конструкция и качество шарикоподшипников разовой смазки, генераторов, стартеров, электронных блоков контроля, приводных ремней узкого сечения. Говорю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть важность роли поставщиков».

А фирменное обслуживание как раз и сделает для покупателя важным, кто там поставщик, жив ли он вообще — или детали падают готовыми. Есть завод — и его фабричная марка есть финальный интеграл, больше покупателю и знать ничего не надо! Методика кукушек завещала Госагропрому такой объем хлебобобовского гнева, но и скопила такой ресурс быстрого улучшения, что первый «Сельмаш», который отважился на фирменный присмотр за всеми своими детьми, получит и признание, и признательность. Почему же «Дону» в этом — таком социально важным — деле не выйти на мировые стандарты?

А из чего собирать тот стандарт, если тебе впрямь шлют калечь? Конечно, тут и вы, Юрий Александрович, наткнетесь на монополизм: бракованный подшипник шлет один завод, он назначен поставщиком Ростову — другому не закажешь, а станешь качать права — и в таком-то добре откажут... Как быть — я не знаю, совсем не моя епархия, понимаю лишь, что тут еще одно подтверждение: монополия родит отставание всегда, повсюду, непременно — и с плодовитостью трески. И не дадим себя обмануть, наблюдая порядки промышленных монополий Запада: капитал-то, понятно, монополистический, но все не так элементарно, в одиночку тебе не позволят выпускать ни комбайн, ни карандаш, ни куриные котлеты. Пока не зарегистрирован соисполнитель, соревнова-

тель, конкурент, вам изделие выпускать не позволяют — капитализм оберегает технический уровень!

Я буду восторженно ликовать, как самый молодой подписчик «Комсомолки», если впрямь будет спокойно доказано, что какой-то из советских комбайнов производительней, экономичней, легче машин «Снерри Нью Голланд», «Кейс-Интернэшнл», «Аллис Чалмерз» — это будет и мой светлый день. Но думаю, что он будет и последним днем монопольности как метода, принципа, подхода. Пока же, увы, монопольность закреплена в запчасти, какую ты по-прежнему добудешь только в данной мастерской, заплатив и за деталь, и за якобы ремонт. Она затвердела в громоотводном разъездном гарантийщике, который от вашего завода мотается, спорит — и гнев перерабатывает в заявления. Монопольность, какой уж тут спор, четко выражена в единственности СМУ, вам назначенного, и в тех фондах, что у строителя в кулаке. Пока практически всюду, где хлебоборское право решать входит в сферу реальностей, хочет материализоваться, оно встречает ответ, когда-то изреченный чеховским героем: «Лопай, что дают!»

Само создание Госагропрома, все согласны, убавило сил у монопольности юридически. Слияние продовольственного комплекса в структуру с единым бюджетом, планом, курсом, с единой мерой успеха — мерой хлебом, урожаем, видом магазинных полок — обещает жизненному многообразию и де-факто материальную плоть. Если же ждать указания на этот счет...

Указания поступили! И не сказать чтобы недавно.

«Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху... С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в основном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля...»

Подписано: *Ленин.*

«...Централизм, понятый нами в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели... Чем больше будет такого разнообразия, конечно, если оно не перейдет в оригинальничанье, тем вернее и быстрее будет обеспечено нами как достижение демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства. Нам остается теперь только организовать соревнование, т. е. обеспечить гласность!...»

Ленин!

«...разнообразие здесь есть ручательство жизненности...»
Владимир Ильич Ленин.

В 1986 году проходит государственные испытания метод двухфазной уборки — в Каневской, в Ейске, в Сибири, Казахстане и прочих местах, где он себя уже — энергией спорящих с вами — проявил. В это же лето держит госиспытания опытная партия таганрогских «Роторов». Мне бы хотелось поставить на испытания — пускай пока ведомственные, в своем кругу — пробные нормы отношений между деталями техники и фиксирующими память о ней. Чего скрывать, тут личный интерес! Мне в жизни потрафило писать о Мальцеве, Бараеве, Лукьяненко, Гарсте, Ремесло и страсть хотелось бы сочинить реалистическую, нестыдную оду отечественной машине уборки.

Малых детей — и тех знаменитый кот Леопольд учит жить дружно. А нашему с вами возрасту еще две тысячи лет был подан пример — вон как завидно Плиний писал Тациту:

«Меня восхищает мысль, что потомки, если им будет до нас дело, постоянно будут рассказывать, в каком согласии, в какой доверчивой искренности мы жили!»

Умели жить люди!

Июнь 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Комбайн косит и молотит...	3
Комбайн просит и колотит...	38

Юрий Дмитриевич Черниченко

ВОКРУГ КОМБАЙНА

Очерки

Редактор К. А. Елютин

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 13.04.87. Подписано к печати 08.06.87.
А 00396. Формат 70 x 108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,24. Усл. кр.-отт. 2,98.
Тираж 80000 экз. Изд. № 1524. Заказ № 497.
Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.